

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Верещагин

**ГОРНЫ
ИМПЕРИИ**

Горны Империи

Олег Верещагин

Горны Империи

«ЭКСМО»

2012

Верещагин О. Н.

Горны Империи / О. Н. Верещагин — «Эксмо», 2012 — (Горны Империи)

После ядерной войны и долгих лет Безвременья человечество восстало из пепла! На Земле образовались две мощные империи – Русская и Англо-Саксонская, и множество более мелких государств. Денис Третьяков никак не ожидал, что ему придется покинуть родной Петроград, но его отца – штабс-капитана ОБХСС – направляют наводить порядок в Республике Семиречье, где обосновались нечистые на руку дельцы, сбежавшие из Русской Империи. Вместе со штабс-капитаном едет и его семья. Денису пришлось расстаться с друзьями и оказаться в поселке Седьмой Горный, где власть фактически принадлежит могущественной компании «Энергия», которая заинтересована в получении прибыли любой ценой. Местные нравы разительно отличаются от петроградских, и не в лучшую сторону. Но Денис не пасует перед трудностями. Ведь он же пионер! А пионерская клятва гласит: «Всё, что смогу, – Отечеству! Всё, что смогу, – нации! Всё, чего не могу, – смогу!»

© Верещагин О. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

От автора	5
Что было...	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Олег Верещагин

Горны Империи

*Тяжелый толчок и вспышка у глаз,
И злая капля со лба...
Он вдруг покачился и медленно лег
Средь огненной темноты.
Вперед укатился и набок упал
Красный его барабан...*

В.П. Крапивин

От автора

Мне было четырнадцать лет, и я читал «Голубятню на желтой поляне» Крапивина.

В это время я уже и сам «писал книжки», как гордо называл это, но у меня хватало самокритичности не ставить себя в один ряд с «настоящими писателями». Крапивина же, как это ни странно, я для себя открыл только два года как (даже в «Пионере», верным подписчиком которого я был с первого по восьмой класс, я почему-то пролистывал без интереса и пропускал его повести!), и книги его мне очень и очень нравились.

«Голубятня на желтой поляне» была совершенно новой, выданной мне из читального зала, в котором я имел разрешение хозяйничать и брать книги на дом. В те времена я еще не знал, что «Те, Которые Велят» – печальная реальность, что в наше время можно убивать детей... да и вообще считал, что мир устроен довольно разумно и приятно. Хотя бы потому, что было жаркое лето, и никто не мешал мне валяться на раскладушке в своем кильдиге и – читать, читать, читать...

Надо сказать, что в нашей компании чтение было **ОЧЕНЬ** распространенным занятием. Но я не только читал больше остальных – я еще серьезно любил думать о прочитанном. И иногда додумывался до выводов, которые заставляли моих друзей крутить пальцами у виска... или восхищенно говорить «ух ты е!»... или просто пожимать плечами – «да ну и что?».

Но в тот раз, я это хорошо помню, я, – наверное, впервые в жизни! – прочитал между строк.

Сейчас то самое издание (не та самая книжка, но такая же) лежит передо мной. По нему и цитирую строки, которые вдруг заставили меня напрячься – как будто в зеркале за твоей спиной что-то шевельнулось и мелькнуло легкой тенью...

«Яське нравилось барабанить. Нравилось придумывать всякие боевые марши. Стучишь в барабан, а за тобой будто встает армия. Качаются султаны на киверах, полощут знамена, блестят вскинутые палаши. Как в старой книжке про Бородино.

Давно уже порвался и пропал игрушечный барабан. Яська успел закончить четвертый класс, но игру свою не разлюбил. Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керосином, он выбирал дорогу подлиннее, переулки попустынее и шагал по ним, выбивая марши на доньшке жестяного бидона...»

И еще...

«Мальчишка улыбнулся беззлобно, доверчиво.

– Я так... Я слышу, кто-то каждый день барабанит. И вчера, и позавчера...

– Потому что керосина третий день в лавке нет. Вот и хожу... – насупленно объяснил Яська».

Я отложил книжку и задумался.

Как же так? Если я правильно понял, Ярослав Родин – а это именно он вспоминает про свое детство – житель БУДУЩЕГО нашей Земли. Далекого будущего, где есть звездолеты, стерео, разные хитрые технические штуки и даже бесплатные столовые. Будущего определенно СЧАСТЛИВОГО – милиция без оружия (у наших милиционеров только-только начали появляться «макаровы»), развлечения-праздники и вообще... счастливого, в книжке это чувствовалось, а что подросший главный герой ворчит – взрослые всегда ворчат...

И все-таки...

Я взял книжку и перечитал несколько строк.

«Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керосином... Потому что керосина третий день в лавке нет...»

Странно. Я толком не знал, как выглядит керосин, и не понимал, зачем отключать газ. А в этом будущем, похоже, такие штуки – обычная вещь.

Именно перечитывая эти строки, я вдруг – как озарение! – понял: ЗА СТРОКАМИ ЛЮБОЙ ХОРОШЕЙ КНИЖКИ МОЖЕТ СТОЯТЬ – НЕТ, ДВИГАТЬСЯ! – КАКАЯ-ТО ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. Может быть – даже независимо от автора. Как же добилось человечество этого счастливого будущего? Что оно оставило В ПРОШЛОМ, если главный герой еще помнит время, когда нужен был керосин и выключали газ?

Мне стало как-то не по себе. Я был умным и развитым парнишкой и вполне мог составить логическую цепочку...

Вот он – МОЙ мир. У нас нет бесплатного хлеба, и мы не летаем на другие планеты. Но у нас не отключают газ, и нам не нужен керосин.

Раз.

Вот – мир БУДУЩЕГО. В нем есть все, что душе угодно. Коммунизм, как я его представлял.

Два.

Но – ВНИМАНИЕ! – где-то МЕЖДУ этими мирами лежит промежуток времени, когда СНОВА керосин (как в войну) и человечество экономило газ.

Три.

«А о чем еще НЕ НАПИСАЛ Крапивин? – осторожно подумал я. – Может быть, не было никакого «постоянного движения вперед, к счастливому будущему»? Может быть, был какой-то обрыв, овраг, яма, из которой человечество выкарабкалось, поумнев?»

Помнится, тогда я так ни до чего не додумался. Смутные мысли так и остались смутными мыслями...

...Когда два года назад я начал переделывать роман «Мир вашему дому!» (а я признаюсь, что я его не ПИСАЛ, а именно ПЕРЕДЕЛЫВАЛ – из несколько иной книги о несколько других людях), а затем – полгода назад – отсканировал машинописные листы и выложил рукопись на своей страничке в Интернете, то по завершении работы наполучал кучу оплеух от интернет-читателей. Судя по статистике, роман пользовался большой популярностью (простите мне нескромность), но от критики это его не избавило.

Несколько (всего двое или трое) человек откровенно и тупо злобствовало, раздраженные тем, что я посмел живописать тоталитарный мир и осмелился назвать его «счастливым», да еще и СДЕЛАТЬ его таковым. Я не о них.

Я также и не о тех людях, которые прислали мне многочисленные толковые замечания – то-то я пропустил, то-то не учел, а того-то быть не может В ПРИНЦИПЕ. Этим критикам моя искренняя благодарность, но и только.

Однако были люди, указывавшие именно на то, что я – четырнадцатилетний – увидел интуитивно в той книге Крапивина. Тогда я еще не знал, что это называется «лакуна». А сейчас – вот уже как лет пятнадцать – знаю.

В самом деле – роман оказался полон таких лакун. На мой взгляд, он от этого не проиграл (как не проиграли, скажем, книги Ефремова от того, что он не описал подробно путь становления коммунистического общества, прежде чем засесть за «Туманность Андромеды»), но вот что поле для деятельности и размышлений осталось огромное – это точно.

Поэтому примерно год назад я набросал целую кучу отрывков к новому – тогда еще безымянному – роману, который должен был стать как бы предысторией «Мир вашему дому!» и пояснить хотя бы вкратце, что откуда растет и как все было «на пути к светлому тоталитарному будущему» из «похабного либерал-демократского настоящего». Потом, как у меня бывает в семи случаях из десяти, запал прошел, начатый роман переместился сперва в папку «отложенные», потом и вовсе в папку «на сюжетное растаскивание»... Ну, а потом случилась интернет-публикация и вышеупомянутая критика. Все это наложилось на пополнение моей фотоколлекции большой серией «пионерских» и «гитлерюгендовских» фоток – и вот как-то, рассматривая счастливые и гордые лица русских и немецких мальчишек и девчонок, я понял, что книгу все-таки НАДО писать.

Я сел. И стал писать...

...А теперь – и впрямь немного «от автора». Чтобы с самого начала не оставалось неясностей.

Я действительно считаю, что:

а) капитализм с любым «лицом» нежизнеспособен как экономический и социальный строй;

б) не умея на самом деле развивать общество, нынешняя политико-финансовая элита завела человечество в тупик, где изо всех сил старается остаться, с пеной на губах убеждая людей, что этот тупик – и есть их родной дом;

в) выход из этого тупика терапевтическим путем невозможен – увы, нас может спасти только путь хирургического вмешательства без наркоза, так как наркоз больному давать нельзя;

г) человечеству были даны два шанса: Третий рейх и СССР. Но первый предусматривал будущее для германцев и только для них, а второй был сознательно погублен – изнутри и снаружи страны! – теми, кто страшился размаха замыслов строителей будущего для всех;

д) или наше будущее окажется похожим на описанное мною в книге – или мы рискуем остаться без будущего вообще. Так пугающего многих мира «Матрицы» не будет, а будет просто полное вырождение – скачком, за каких-то три-четыре поколения – и пустая планета, скорее уж как в финале печального фильма «Искусственный разум»;

е) спасти нас может лишь героическое мировоззрение и полный отказ от демократии как таковой и «опыта мирового развития». Вокруг нас – НЕ НАШ мир. Жить в нем мы не сможем. МЫ В НЕМ УЖЕ НЕ ЖИВЕМ.

* * *

Критикам

Да, я люблю барабаны и горны. ОНИ РЕДКО ФАЛЬШИВЯТ.

Автор

Что было...

Ядерная война ...-х годов XXI века фактически уничтожила земную цивилизацию, изменив не только природу и погоду, но во многом и саму географию Земли. Все прежние силы – государства, церкви, корпорации, преступные синдикаты – исчезли. Под покровом атомной зимы воцарился мрачный холодный хаос, в котором остатки людей, не выкошенные радиацией, болезнями, голодом, сцепились в бесконечных междоусобных войнах, больше похожих то ли на феодальные схватки, то ли на стычки бандитских группировок. Наступили времена Безвременья...

В этих условиях центрами притяжения тех, кто не поддавался всеобщему одичанию, стали две организации: контролировавшая значительную часть Сибири и Севера бывшей России славянская РА и действовавшая на берегах Гудзонова залива англосаксонская «Фирд». Тоталитарные и глубоко военизированные, они начали «умиротворение» окружающих земель, действуя во имя благой цели возрождения цивилизации с не меньшей жестокостью, чем их противники – банды людоедов и работорговцев. Серые Войны – так позднее назвали историки этот период в развитии Земли из-за того, что ожесточенные бои шли в мире, скрытом пологими бушующих туч. Во главе обеих организаций стояли кланы (или классы) воинского дворянства, возродившегося на благодатной почве бесконечного конфликта.

Это продолжалось несколько десятков лет.

Ушла в прошлое зима. Снова светило солнце. Земля с трудом возрождалась из пепла. Но это было уже совершенно новое общество. После долгих лет битв Планета оказалась полюбовно поделена между двумя этносами, к которым присоединились остатки некоторых существовавших ранее других наций (большинство их погибло). Русская и Англо-Саксонская Империи, сотрудничая и соперничая, сумели построить мир, в котором при минимуме законов и очень суровом управлении люди обладали огромным чувством собственного достоинства и действительно доверяли своим властям, где в конце концов за счет нравственного и физического совершенствования и воспитания человека были побеждены болезни, голод, преступность, эгоизм и многое другое – именно то, что и привело к краху предыдущей цивилизации. Отброшены были догмы демократии, причинившие человечеству так много бед. Две расы воинов и тружеников решительно вышли в космос и раздвинули границы обитаемого мира человека до пределов Солнечной системы, освоив практически все мало-мальски пригодные для жизни планеты.

На довольно долгое время порыв экспансии был погашен отсутствием средств передвижения, которые могли бы позволить людям достичь звезд. Человечество обустроивало свой новый мир. Но вызов, брошенный Вселенной, не забывался...

Выдержка из предисловия к научно-популярной электронной книге для детей П.С. Охтина «Первая Галактическая война».

Издание 40 года Реконкисты. Земля.

Русская Империя. Великий Новгород

Глава 1

Снег над Петроградом

Всю ночь на город валил снег.

Он падал с хмурого низкого неба медленно, в полном безветрии, плавно, но в то же время увесисто опускаясь на крыши, улицы, летнюю зелень и тротуары. На фонарных колпаках выросли белые папахи. Отовсюду капало – немолчными длинными струйками, – в дренажных желобах сперва журчали, а потом начали взрывать и бурлить потоки, но снег словно не желал верить в свое бессилие и упорно падал, падал, падал...

Снег разбудил Дениса почти в три. Мальчишка спал, как обычно, с открытым окном и долго не желал просыпаться, хотя на подоконнике и вырос уже целый сугроб, часть которого в конце концов обвалилась на голову Денису. Во сне на него рухнула лавина в горах; мальчишка проснулся со сдавленным воплем и сел.

В небольшой комнате царил загадочный «снеговой» полусвет. Предметы казались то излишне четкими, то, наоборот, теряли свои очертания. Плакат над кроватью обрел реальную глубину и выглядел окном в увлекательный нездешний мир. Но снег, таявший на полу, подушке и подоконнике, быстро вернул Дениса к реальности.

– Ой ч-ч-черт... – процедил он, откидывая простыню и садясь. Стреб ладонью мокрые комья с подушки, выкинул в окно, перевернул подушку и, подумав, встал. Скинул снег с подоконника и, опершись о него локтем, начал смотреть на улицу, приобретшую не менее загадочный вид, чем плакат.

Вообще-то вчера, когда город с полудня прихлопнула тяжелая непроницаемая духота, а небо задернулось сизыми тучами, уже было ясно, что случится нечто подобное. Снега летом не выпадало уже года три, не меньше. В детстве – Денис помнил это, хотя и смутно – такое было почти каждый год по нескольку раз. И солнце то и дело пряталось за тучи – иногда на несколько месяцев. А как-то раз солнца не было целый год... Денису тогда было просто тоскливо, а многие взрослые ходили прямо пришибленные и то и дело смотрели на небо почти с ужасом. Денис сам видел, как на углу Невского стоял и плакал генерал имперской авиации. Просто смотрел в небо и шептал: «Опять, опять, опять... нет, не надо, не надо...» – а по щекам прямо текло... Денис тогда поспешил скорее уйти, убежать. Невыносимо и страшно было это видеть даже такому мелкому и несообразалистому сопляку, каким он тогда был.

Дед, к которому Денис часто ездил, рассказывал, что в первый раз увидел солнце, когда ему было десять лет. Увидел и заплакал тогда – тоже впервые. Не от страха или там чего-то, а почему-то очень стало больно в груди. Не физически больно, а... просто **больно**. И взрослые плакали, но от радости... Это было еще в Безвременье, даже до Серых Войн. Тогда во всем Петрограде жило не больше десяти тысяч человек. Не то что сейчас – почти триста тысяч! Больше только в Великом Новгороде, да и то ненамного...

Денис иногда пытался представить себе этих людей всех сразу. И не мог, но каждый раз захватывало дух от грандиозности этой картины. Как на праздничных демонстрациях, когда видишь, как идут колонны, а еще лучше – сам шагаешь в них и ощущаешь себя... Снова не получалось – но уже сказать, **как** ощущаешь. Или когда его принимали в пионеры – запели фанфары, внутри что-то оборвалось, но не больно, а сладко и жутко. Свой (и чужой) звонкий высокий голос: «Я, Денис Третьяков, вступая в ряды пионеров Империи...»

Снег падал. Но сейчас это было не страшно. Потому что – Денис знал – утром снова будет лето. Что погода налаживается. Потихоньку, но налаживается. Утихают чудовищные штормы, из-за которых надводное океанское сообщение было почти невозможным. Отступает к северу ледяная болотистая тундра, а на ее месте встают леса (и люди им помогают...). Все реже при-

ходят с юга ураганы. В кинотеатре «Солярис» за два квартала от дома, куда Денис обожал ходить, перед фильмами часто показывали в журналах, как работают метеорологи, лесничие, – иногда эти журналы смотреть было интереснее, чем сами фильмы. Даже если фильмы были про космос, войну или про Безвременье.

Хотя... Мальчишка оглянулся на плакат. На фоне дороги между мрачных развалин под угловатой надписью: «ЛЮДИ ДОЛГОЙ ЗИМЫ» стояли плечом к плечу два человека, два молодых парня – с оружием, в старой полувоенной форме. Это были офицер РА по прозвищу Генерал и казачий хорунжий Лёвка. Лёвка сначала был просто бандит, пока не познакомился с Генералом, которого сперва хотел даже убить. И они стали вместе сражаться за будущее – освобождать рабов, истреблять бандитов и людоедов, собирать людей, готовых тоже биться за справедливость... Когда в конце фильма Генерал сам подорвал себя фугасом, спасая беженцев, захваченных бандой, в зале стояла такая тишина, что аж звенело. А Денис только потом с трудом разжал кулаки. А как сжал – и не заметил... И как было здорово, когда Лёвка с остальными бойцами привел беженцев в какую-то долину – и оказалось, что там уже наша власть, что все не так безнадежно, как иногда казалось на заснеженных мертвых равнинах, когда звучала негромкая и страшная песня про то, что никаких на небе звезд нет, что это просто миллион дыр... Но потом – в момент гибели Генерала – песня вдруг менялась. И звучали слова, что «там, далеко, за стеной тьмы – несказанной красоты сад, где и встретимся с тобой мы, если вдруг не попадем в ад...». Эти слова были полны упрямой надежды.

Конечно, смешно было бы даже думать, что тринадцатилетний пионер Денис Третьяков верит в бога. Но он знал, что в те далекие и страшные времена многие еще верили, и верили крепко. И так же крепко верил, что, будь на самом деле разные там рай и ад, – Генерал, конечно, попал прямиком в рай. Туда, в «несказанной красоты сад». И это было справедливо. Так справедливо, что сжималось горло. Как-то раз Денис рассказал об этих своих мыслях Войко, своему лучшему другу. Они были на рыбалке, у вечернего костра, когда говорится легко. И Войко, подумав, сказал: «Да, я тоже так думаю...»

С таким фильмом ничего не сравнится, это точно! Даже кино про космос. И ведь это правда, настоящая правда, так было... Там в начале и было написано, что фильм основан на реальных событиях.

Хотя космос – тоже страшно интересно. В классе Дениса учились двое мальчишек, родившихся на Марсе, в Краснограде, и еще один, который совсем недавно перебрался с родителями с лун Юпитера, почти совсем еще не освоенных. А Кобрин, Пауэлл, Артамонов, Пашенко?!¹ Да такими фамилиями любой мальчишка (и многие из девчонок!) будут сыпать час и не запнутся, и не повторятся! Раньше Денис хотел стать летчиком – именно потому, что это первый шаг на пути в космофлот, что в военный, что в гражданский, что в исследовательский! Да, хотел стать летчиком, хотел. До одного разговора с отцом...

Раньше Денис часто огорчался, что его отец не дворянин. Не потому, что это дало бы что-то ему лично (не жить дома – это что, хорошо?! А ведь дети дворян все воспитываются в интернатах), а именно из-за отца. Но потом однажды он увидел, как эти самые дворяне – и не один, а несколько! – внимательно слушали его отца, кивали, а потом каждый пожал штабс-капитану ОБХСС руку.

ОБХСС. Денис рассеянно улыбнулся в окно. Он долго не знал, что означает эта аббревиатура. И строил самые разные предположения. Конечно, самые таинственные, вроде Орга-

¹ Мирослав Александрович Кобрин в конце Серых Войн стал первым человеком, высадившимся на Луну на корабле «Прыжок». Джеффри Рэнсом Пауэлл во 2-м году Реконксты командовал кораблем Англосаксонской Империи «Воден», высадившим на Марс первых людей. Олег Сергеевич Артамонов в 7-м году Реконксты командовал кораблем «Святогор», высадившим первых людей на Венеру; экспедиция трагически погибла при взлете. Экипаж Юрия Тимофеевича Пашенко в 11-м году Реконксты за пять месяцев совершил облет Солнечной системы на первом фотонном корабле «Хиус». (Здесь и далее – примечания автора.)

низация Борцов Хитрого Союза Спасения. (Очень мешала «неудобная» буква «Х».) Самыми удачными вариантами он делился с одноклассниками и не раз дрался, отстаивая свою правоту. А как же иначе? Таинственная ОБХСС отца подчинялась МВД, а это – Денис знал точно – Министерство Внутренних Дел. Там же, где милиция и КГБ!²

Но вот три года назад (как раз когда Денис познакомился с Войко) отец, узнав об этом, не стал смеяться, а почти час говорил с сыном. Оказалось, что отец не ловит англосаксонских или там бандитских шпионов. А ОБХСС – это Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Но это не просто важная работа – это **очень** важная работа. Потому что есть (в это Денис так тогда и не поверил до конца) люди, иногда **не рядовые** люди, которым не нравится, что в Империи недра, леса, вода, воздух, большие заводы, школы принадлежат всем. **Народу**. То есть они хотят, чтобы было как тогда, до Третьей мировой и из-за чего она и началась, если подумать: им – все, остальным – ничего. Власти у них нет. Они не могут все это отнять. Для этого как раз и есть КГБ, например. Но они могут воровать. Не в карман залезть, как в исторической книжке, а воровать много и не у людей, а у страны – сразу у всех и помногу. Воспользоваться наворованным они тоже толком не могут, их сразу арестуют. Но все равно воруют и иногда убегают на границу или даже в экваториальную зону, где еще есть бандитские «государства». Вот с ними отец и воюет. И ОБХСС боятся все, кто нечестный. Потому что вот шпионы англосаксов, например – они враги, но они **честные** враги, они хотят принести пользу своим. А тех, с кем борется Борис Игоревич, даже людьми-то назвать трудно. Многие из них и есть сумасшедшие. От жадности.

Денис тогда долго размышлял над сказанным. Нет, он понял, как важна работа отца. Но думал о тех людях, с которыми воюет отец. Какие-то они и правда странные. Зачем тебе вещь, которую даже показать никому не можешь? И вообще – это ведь так здорово: делиться! Когда у тебя что-то есть, чего нет у других – это приятно. Но когда ты можешь сделать, чтобы это было и у других – это... Денис не мог тогда найти слово, но твердо знал: это здорово. И еще. Как можно хотеть, чтобы лес или вода были у кого-то **одного**?! Даже смешно. А остальным что – не пить, в лес не ходить или правда **покупать** все это? Ведь даже Император не может сказать про землю: она **моя**. Потому что она – **всех**. И его, Дениса, тоже. А как иначе-то?!

В его сознании не укладывалось, что могут быть люди – не в истории, а сейчас! – которые этого не понимают. А раз понимают, но все равно хотят по-другому – значит, они и правда сумасшедшие.

Именно тогда он расхотел быть летчиком. Потому что смутно ощутил, что есть вещи, с которыми нужно бороться немедленно и беспощадно.

Иначе – **не будет космоса ни для кого**. И получится, что правда никаких на небе звезд нет...

...Снег шел и шел. Денис замер у окна, бездумно следя за падением больших медленных хлопьев. Красиво. Он не боялся снега, как многие из старших. Просто красиво, и все тут.

За воротами плавно скользнули лучи фар, послышалось урчание мотора. Денис насто-рожился – он мог поклясться, что это был отцовский служебный «Волк»... точно! Угловатый силуэт легковушки проплыл за оградой и остановился около калитки. Хлопнула дверца, отец что-то сказал – и через несколько секунд уже входил во двор по заснеженной дорожке.

А Денис был уверен, что отец давно дома и спит.

² В указанный период Русская Империя имела следующие спецслужбы:– Военное Министерство – разведка ОВИ (Отдел Внешней Информации) и контрразведка ОВБ (Отдел Внутренней Безопасности);– Министерство Внутренних Дел – внутренняя служба безопасности КГБ (Комитет Государственной Безопасности), экономическая служба безопасности ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) и служба безопасности колоний и поселений вне пределов Земли ОКБ (Отдел Колониальной Безопасности);– Министерство Иностранных Дел – разведка ДРУ (Дипломатическое Разведывательное Управление);– Собственная Его Императорского Величества Канцелярия – личная служба Императора ООСЕИВК (Особый Отдел Собственной Его Императорского Величества Канцелярии).Координировал действия всех этих спецслужб (за исключением, как это ни смешно, ООСЕИВК) Второй Секретарь СЕИВК.

Борис Игоревич шел неспешно, чуть покачивая так не идущим к его форме возмутительно гражданским портфелем. Портфель злил Дениса. В школу даже первоклашки бегали с ранцами – копиями армейских рюкзаков или рейдовых рюкзаков космической разведки. Конечно, отец не будет ходить с рюкзаком. Но мог бы хотя бы взять «дипломат».

Правда, когда-то именно с этим портфелем дед вошел в бандитский штаб на берегу Московского моря и сказал: «Складывайте оружие, тут десять килограммов тротила – и палец у меня на кнопке».

И штаб последней в Центральной России бандитской армии сдался одному-единственному «витязю» с портфелем, в котором был речной песок. Так что отец, может, и прав...

Отец на ходу снял фуражку. Посмотрел в небо. И, опуская взгляд, увидел сына, глядящего на него из окна.

– Ну и как это понимать? – негромко осведомился Борис Игоревич, подходя ближе.

Денис пожал плечами и спросил:

– Ты где был?

– Мать спит? – Штабс-капитан Третьяков оперся локтем о подоконник небольшого окна.

– Все спят. Весь город спит. Один мой отец где-то...

– Я не где-то, – возразил Борис Игоревич. – Ну-к...

Повинуясь его жесту, Денис чуть отступил в сторону – и отец ловким движением проник в окно. Выпрямился и закрыл его, не глядя. Денис покачал головой:

– Ну и ну.

– То-то и оно. – Третьяков-старший поставил портфель на пол и увенчал его фуражкой. Расстегнул китель и подмигнул сыну: – Снег над всем северо-западом.

И какое-то предчувствие шевельнулось в Денисе. Не то чтобы нехорошее, недоброе. Нет. Но отчетливое предчувствие перемен – не просто перемен, а перемен **абсолютных**.

– Что случилось, па? – тихо спросил он, садясь на кровать.

– Сейчас поговорим, – рассеянно ответил Борис Игоревич. – Раз уж ты не спишь, то чего утра-то ждать? Как думаешь, маму будить?

– Что случилось? – повторил Денис. – Па, ну не тяни, пожалуйста.

– Ну что ж, – штабс-капитан Третьяков сел на кровать рядом с сыном. – Поговорим.

Глава 2

Командировка в прошлое

Нельзя сказать, что отец заговорил сразу. Он довольно долго просто сидел, думая о чем-то своем – и, похоже, то ли сложном, то ли неприятном. Денис тоже молчал. Предчувствие перемен нарастало и становилось непереносимым, как физический позыв, но он молчал. Ждал. Отец должен был заговорить, как обещал.

Штабс-капитан ОБХСС Третьяков повернулся к сыну и посмотрел ему в глаза:

– Сын, ты слышал, что такое Семиреченская республика?

Денис на секунду задумался – и перед глазами словно сама собой встала карта из учебника географии.

– Семиреченская республика? – переспросил он. – Ну, это такое государство у западных берегов моря Балхаш. Между Балхашем и хребтом Голодный. Главный город – Верный. Три четверти территории – субтропический лес. Миллиона три населения, кажется. Ну... – Он еще честно подумал и пожал плечами: – Все, больше ничего не знаю... У нас политическая география только на будущий год начнется.

– Четыре, – дополнил Борис Игоревич. – Четыре миллиона населения, и еще ты забыл добавить, что оно возникло в самом конце Безвременья, и в период Серых Войн было нашим союзником. Раньше такие государства были полезны. Как крепостная стена... Их было штук десять – Желтороссия, Крымское княжество... ну, ты учил. Но сейчас многое изменилось. Осталось всего несколько; Семиречье – одно из них. Начать с того, что туда свалила всякая шушера, которую здесь прижали. От обычных жуликов до рыбки покрупнее. Мы, соответственно, постепенно присоединяем эти земли. Но стараемся делать это осторожно. Все-таки там живут наши сородичи, пусть и немного с другими взглядами на мир, – Борис Игоревич над чем-то задумался и тяжело вздохнул. – Вот и с Семиречьем та же история. Живут те же самые русские. А в головах... В общей сложности в Семиречье насчитывается восемь партий. На мой взгляд, это на восемь больше, чем нужно. Далее. В этих партиях состоит около пяти миллионов человек...

– Погоди, – Денис захлопал глазами. – Как – пяти? Ты же говорил, что там всего четыре...

– Ну, это, сын, и есть одна из главных загадок демократии, – невозмутимо ответил Борис Игоревич. – Это еще не все. На последних выборах эти партии в сумме набрали пятьсот шестьдесят процентов голосов избирателей, что составило порядка семи миллионов голосов...

Денис ошалело помотал головой. Отец засмеялся:

– Что, дикая арифметика? То-то... Идем дальше. Три партии из восьми к нам настроены абсолютно враждебно...

– Па, но там же тоже русские! – возмутился Денис.

– Во-первых – не только. Там есть восемь автономных немецких деревень, но немцы политикой не занимаются. А во-вторых – а ты что думаешь? Есть русские, и есть русские. И кое-какие русские не очень-то хотят, чтобы там наступила наша власть. Потому что тогда очень многое уйдет в руки государства, а значит – всей нации. Добывающие комбинаты, например. И еще до фига всега, как вы выражаетесь.

Денис распахнул глаза так, что они стали вдвое больше:

– Там **частная собственность на природные ресурсы**?!

– Молодец, – похвалил Борис Игоревич, – хорошо знаешь историю. Самая настоящая частная собственность. Как в учебнике.

Денис молча открывал и закрывал рот, пытаясь осмыслить сказанное. Партии, выборы правительства, частная собственность на полезные ископаемые – все это было действительно

как будто из истории, из времен до Безвременья. Как из смешной и нелепой сказки. Может, там и капиталисты есть?! Настоящие... Но спрашивать об этом было как-то даже неудобно. Да и стыдно – получалось, что он никогда не задумывался о том, что рядом существует совершенно другой мир! Отец же продолжал:

– И есть там, конечно, РА. Но наших «витязей» мало. И все-таки за прошлый год из них убили двадцать семь человек. Это радует. А почему радует? – Борис Игоревич испытующе посмотрел на сына.

– Значит – бояться... – медленно сказал Денис. – Да?

– Да, – удовлетворенно кивнул отец. – Бояться, потому что знают: их проигрыш неизбежен. А смириться с этим не могут – жадность мешает. И пугающая мысль, что потеряют то, что имеют сейчас.

Денис сел удобнее. Поставил подбородок на кулаки. И спросил:

– Так. Ладно. А к чему вообще этот разговор? – хотя уже, кажется, начал догадываться – к чему.

И очень не хотел, чтобы его догадка сбылась, оказалась верной...

– А к тому, – Борис Игоревич обнял Дениса за плечи, – что ближайшие два года как минимум мы все трое проведем именно в Семиречье.

Денис поперхнулся воздухом.

Он угадал.

Отец и раньше ездил в командировки, в том числе – довольно длительные и явно небезопасные. Но такое... И Денис задал первый вопрос, который пришел ему в голову, чтобы успеть собраться с духом для дальнейшего разговора:

– Ну а ты что там собираешься делать? ОБХСС – это же не спецслужба...

– Да понимаешь... – Отец довольно долго смотрел в окно, потом pokrивился: – Семь месяцев назад президентом Семиречья стал наш человек. Он собирается издать указ о национализации добывающей промышленности. Реакция местных воротил предсказуема. А своя налоговая полиция в Семиречье, во-первых, очень слабая, а во-вторых – довольно продажная. Тебе это, конечно, трудно представить... но вот такая командировка в прошлое...

Он еще что-то говорил. Но у Дениса уже появился – а точнее, оформился – второй вопрос, и вопрос этот был тяжелым. Таким тяжелым, что глаза защипало, как ни смешно это звучит и выглядит по отношению к тринадцатилетнему пионеру.

– А как же Войко? – спросил Денис, перебив отца. – Па-а?

Борис Игоревич замолчал. И молчал довольно долго. Денис глотал эти дурацкие неожиданные слезы и ждал.

– Да, – отец вздохнул. – Войко... Я понимаю.

Денис промолчал сперва. Казалось бы, что на это было сказать?.. Но потом молчание прорвалось.

– Па... – выдохнул Денис. – Но друг – это же не просто слово...

– Мы уезжаем через три дня, – ответил Борис Игоревич. – И тут ничего не поделать. Но с Войко вы успеете попрощаться по-настоящему.

Меньше всего Денису хотелось проститься. Потому что его слова «друг – это же не просто слово» – тоже не были просто словами.

Он не очень-то любил бросаться словами, Денис Третьяков. И от этого сейчас было только хуже. И, чтобы как-то справиться с собой, он встал и сказал, глядя в окно:

– Па, я пойду в отряд. Может, Войко там. Я хочу... поскорее.

– Иди, – негромко ответил отец и тоже поднялся. – А я немного посплю.

* * *

Пятая городская школа, в которой учился Денис, располагалась в трех кварталах от дома Третьяковых. Сунув руки в карманы форменной куртки, мальчишка медленно шагал по улице, слушая, как хлюпают под ногами лужи стремительно тающего снега. Поднялся теплый ветер с Ладожского залива, и высокие сосны размахивали кронами в покрытом стремительно уносящимися на север клочковатыми облаками ночном небе.

Сосны, по рассказам, вымахали за несколько лет. Еще полвека назад тут, на месте этих кварталов, был настоящий лес, выросший в годы Безвременья и поглотивший руины. Когда людей стало больше и они принялись вновь расселяться по городу, то лес не стали рубить совсем, а лишь проложили в нем просеки, превратившиеся в улицы – такие, как Бассейная, родная улица Дениса. Он раньше часто думал – почему Бассейная? Даже узнать пытался, но узнал лишь, что так улица называлась век назад, до войны. Почему?

Редкие дежурные фонари горели цепочкой посреди проезжей части. Город был пустынен и спал, только далеко-далеко, над Парголовским лунадромом, стояло вечное синеватое зарево. Денис прошагал мимо «Соляриса» – и остановился. Отсюда было видно его школу и чудовищное колесо ветряка-генератора, неутомимо вращающееся над нею. Ветроэнергетика была широко распространена на Земле, но не слишком надежна из-за непредсказуемости вихрей – поэтому везде вместе с ветряками стояли мощные аккумуляторы. Ну и, конечно, все очень надеялись на космическую разведку и на ученых – первые неустанно искали по всей системе трансураниды, вторые – так же неустанно изыскивали новые способы сделать более компактными и доступными пока что очень громоздкие генераторы искусственного вихря. Денис не раз представлял себе, как это будет – электростанция в каждом доме...

Но не сейчас. Мальчишка ссутулился. И необычайно тяжелым шагом, медленно, пошел к школе. Пока я иду, думал он, Войко ничего не знает. Он думает, что у нас впереди – много-много дней. Ну и пусть – пока буду знать о плохом только я. Пока иду... пока иду...

Он протянул руку и повел пальцами по начавшейся школьной ограде – живой изгороди из можжевельника, за которой ухаживали всей школой, у каждого класса был свой участок. Ободрал пальцы и, неожиданно улыбнувшись, вспомнил, **как** познакомился с Войко.

Вон там, наискось от школьных ворот, есть магазинчик «Находка».

Этот магазинчик Денис знал хорошо с первого класса. Тут торговали всякой всячиной, которую находили в еще заброшенных кварталах и вообще в окрестностях города. Принимали все, кроме исправного оружия, взрывчатки и всего такого. Магазин был непритязательный – так, длинное помещение, столы поперек, а на них небрежно лежали вороха чего угодно с наклеенными ценниками. Цены были смешные; кроме того, хозяин магазинчика почти никогда не был против, если мальчишки не покупали, а меняли. Денис с друзьями не чурался обшарить окрестности, чтобы совершить мену – и даже когда многие из них стали пионерами, то не оставляли промысла. Да и, если честно, не ради покупки-размена они этим занимались. Просто... просто это было интересно: копаться где-то, поднять своими руками вещь, которая... в общем, кто делал, тот поймет. Правда, бывало, находили такие вещи, что от поисковиков оставались куски по округе. Мальчишки обмирали, родители сатанели, власти и общественность усиливали контроль... но только на время. Желание ощутить дыхание тайны прошлого оказывалось сильнее «мер» и собственного страха.

У Дениса дома стоял проигрыватель для найденных или выменянных лазерных дисков – почти таких же, как современные у отца на работе, только больше. Вот только слушать или смотреть их удавалось нечасто. Свет с центральной электростанции в жилые дома давали централизованно пока только с семи утра до четырех вечера...

...Он остановился в воротах школы, глядя, как развевается на флагштоке черно-желто-белый флаг Империи – знак того, что в школе есть люди. И среди них Войко.

Магазинчик «Находка». Да, с него все и началось... Точнее...

Глава 3

Не просто слово

Ни один нормальный мальчишка не может дожить до десяти лет без друзей. Это совершенно протiwоестественно, да и просто невозможно. Денис Третьяков не был исключением. Он вполне искренне считал, что у него «друзей – полный класс». Еще друзья были везде, куда Денис приезжал хотя бы на неделю. В «Блокноте пионера» на специально отведенных страницах были записаны полтора десятка адресов мальчишек из Владивостока, Магадана, Варшавы, Тегерана и еще черт-те откуда – следы летнего пребывания в «Орленке», «Таежном» и «Киваче».

Но, встретив Войко, Денис понял, что немного ошибался.

Можно знать человека с рождения и даже искренне считать его своим другом – но не испытывать особых сожалений, если он, например, уезжает на лето или даже переезжает в другой город. А можно узнать человека три года назад – и ощущать его даже недолгое отсутствие, как отсутствие воздуха.

Так было у Войко и Дениса. Практически все время мальчишки проводили вместе. Денис не мог сказать о Войко, но сам он буквально обомлевал при мысли, что мог **не познакомиться** с сербом – трудно было представить, как бы он тогда вообще жил?! Конечно, эту дружбу то и дело омрачали споры, ссоры, а то и драки по самым разным поводам (если Войко не удавалось навалить Денису сразу, с ходу, то победителем, как правило, оказывался именно Денис), но поссориться по-настоящему им не удалось ни разу. Кстати, курить Войко все-таки бросил, когда они с Денисом вступили в пионеры. Как-то так получалось, что совпали их интересы, желания, взгляды на жизнь и свое место в ней... По мнению обоих, девчонки «не стоили внимания», а что до места в жизни – ни тот, ни другой не сомневались, что займут хотя бы по паре строчек в учебниках истории.

Ну и, конечно, не подвергалось сомнению, что расставаться им не придется.

До сегодняшней ночи.

А тогда – три года назад – было утро...

* * *

...С Войко Денис познакомился три года назад, когда еще не был пионером. И произошло это при весьма приключенческих обстоятельствах, связанных именно с самовольными поисками-раскопками, которые Денис учинил на восточной окраине Петрограда, среди руин Кольцевой Зоны...

...В самом начале Третьей мировой враг хотел бомбить Санкт-Петербург – так тогда назывался Петроград. Но наши летчики отбили атаку. И тогда по городу выпустили ракеты.

Не все долетели. Но одна боеголовка упала именно сюда. И в какую-то минуту разом сгорели больше миллиона человек... Так и появились эти развалины, к которым еще только-только подбирались даже не строители – команды очистки, потому что в руинах было наверняка много такого, что лучше сначала вытащить и отвезти подальше. Рук не хватало.

Именно поэтому мальчишки обожали бывать среди развалин, про которые ходили самые разные слухи. Говорили, что тут можно увидеть кусочки **тогдашней** жизни – какой она была до той войны. Но это было просто интересно. А были слухи жуткие. Что погибшие там люди **ходят**, например. Глупости, конечно... когда слушаешь это на школьном подоконнике. А когда пробираешься среди этих самых руин, то порой накатывает такое...

Поэтому Денис предпочитал бывать там с приятелями. Когда все вместе – то как-то спокойнее. Говорили, что кое-кто – из самых отчаянных – рисковал в Кольцевой ночевать. Денис не очень-то верил. И вышло так, что в тот день пошел на поиск один.

Планы Кольцевой Зоны если и имелись, то во всяком случае не у десятилетнего мальчишки. А старые планы города не годились. Он привычно обошел вдоль Невы кордоны и оказался в царстве развалин и перепутанных улиц-переулков, полагаясь лишь на свое чутье. Впрочем, Денис не очень боялся. Потому что понимал: как ни крути, а те сотни тысяч давно погибли. Да и не осталось от них ничего, даже костей... Вот это было грустно – не страх, а грусть ощущалась. Как будто вся их боль насквозь пропитала развалины и застыла в них навсегда. Денис, может, даже повернул бы. Но совершенно неожиданно проехали несколько грузовиков с веселыми парнями и девчонками, они рассыпались, попрыгав наземь, среди развалин и принялись, перекликаясь, за разборку. От этой картины стало поспокойнее. Но встречаться с ними в планы мальчишки не входило – и он уже повеселее полез дальше.

Вскоре кончилась та территория, которую он более-менее знал. За площадью, окаймленной развалинами, с остатком какого-то памятника в середине, виднелись деревья – то ли сквер был и уцелел, то ли позже проросли. Прямо из-под стены одного из домов пробивался ручеек. Вода в нем была холодной и чистой, Денис напился и наполнил прихваченную с собой фляжку. На стене виднелась табличка с предупреждением об опасности обстрела. Такие таблички были даже не с Третьей, а со смутной Второй мировой, почти сказочной, когда воевали русские и немцы – непонятно даже, из-за чего. Из-за сквера доносился мерный шум – там начинался Невский пролив, протока в Ладожский залив Балтики.

Там Денис еще никогда не был и, посидев минутку у ручья, решительно направился через сквер.

Решительность была вознаграждена почти тут же. За крайними деревьями Денис буквально наткнулся на самолет.

Это была машина времен войны, а точнее – ее остатки. Время слизало с металла краску, он тускло блестел окислившимся сплавом. Фонарь кабины был вырван – легчик катапультировался.

– F/A-18, палубный истребитель-штурмовик ВМС США, – шепотом сказал Денис, касаясь сломанного крыла рукой. Любой мальчишка в школе мог с ходу перечислить с десятков марок самолетов той войны – наших и вражеских. Но Денис, мечтавший тогда стать летчиком, считал себя обязанным знать больше остальных. Он стукнул по крылу кулаком и добавил: – Так тебе и надо!

На всякий случай мальчишка вскарабкался в кабину. Внутри она была почти цела. Но сидеть там и играть в летчика было противно, потому что самолет – вражеский. Денис спрыгнул наземь и уже уверенно зашагал дальше.

Несколько домов за парком, на берегу хмурого пролива, были почти целыми. На нижних этажах сохранились кое-какие вывески, почему-то через одну на английском. Они звучали, как магические заклинания, но не переводились, хотя в свои десять Денис знал английский совсем неплохо. Правда, он знал и то, что это названия торговых корпораций того времени – огромных промышленных империй, более могучих, чем правительства большинства стран. Но это тоже звучало, как сказка, причем сказка глупая – как могут торговцы быть сильнее воинов; ведь правитель – всегда воин! В это почти не верилось, хотя Денис знал, что это правда, и так было. Он рассеянно почитал вывески. В таких магазинах сохранилось немало аппаратуры, но смысла в ее использовании не было. Ну, притащишь ты домой телевизор. И что будешь принимать, а главное – как, если он работает совсем не так, как немногочисленные нынешние аппараты видеосвязи? В журналах Денис читал, что со временем у каждого дома будут похожие и даже лучше, но пока только видел их несколько раз.

Иногда Денис удивлялся: люди того времени жили в окружении необычной и зачастую, по мнению мальчишки, ненужной техники (унитаз на фотоэлементах!!!), но не могли летать в космос, или, например, сконструировать универсального робота, который заменил бы две трети всей той ерундистики, которой они напичкали свои дома. Вот оружие бы найти – это да! Но в те времена оружие имели только бандиты, военные и милиционеры, а обычный человек должен был исписать гору бумаг, чтобы купить его. И это тоже было смешно: мужчина – без оружия! Да и редко попадалось оно среди руин – оружейные магазины вымели еще в начале Безвременья. Конечно, среди мальчишек ходили слухи, что «такой-то нашел там-то то-то...», но на поверку почти все это оказывалось выдумкой, а реальные случаи почти всегда заканчивались двумя вещами:

- а) изъятие;
- б) порка.

Он заглянул в один из подъездов – осторожно, вполне реальной опасностью тут были не призраки, а падение балки или стены. Тут оказался уже рухнувший потолок – здание выделось целым только снаружи. На полу среди штукатурки и проросшей травы и деревьев лежали полуистлевшие листы порнографических журналов. Порнографических – это когда женщин фотографировали голыми. Иногда эти журналы было интересно посмотреть, но чаще всего они вызывали брезгливость – женщины были некрасивые и какие-то неестественные, как надписи английскими буквами в русском городе, которые даже по-английски не читались.

Денис без интереса попинал журналы и опять вышел наружу...

...Минут через десять он добрался до берега. Когда-то пролив был рекой Невой, но с тех пор превратился в часть моря. На берегу лежали несколько кораблей – на боку. Подальше проходили остатки моста. В те давние времена он был разводным – делился на две половинки, которые поднимали на ночь. В этом было что-то романтическое. Да и сейчас мост выглядел солидно. Старшие мальчишки иногда забирались на мощные, взметнувшиеся в небо фермы и ныряли с них. Или загорали на второй половинке, поднимавшейся подальше над водой примерно на высоту одноэтажного дома.

А что, если... Денис покусал губу, пострелял глазами из-под пушистых коротких ресниц, как будто кто-то мог оказаться рядом и запретить ему. Ну, подумал он, я же просто так... я просто думаю, а делать, конечно, не буду. Но пойти-то посмотреть можно? Можно, разрешил мальчишка сам себе и стал спускаться на древнюю набережную.

Тут он никогда еще не был. Скользя кедами по густой, яркой, хотя и короткой траве, которой порос склон между вставших дыбом, налезших друг на друга и съехавших к воде плит облицовки, мальчишка почти поехал вниз, тормозя рукой.

И, доехав до низа, вскрикнул, не удержался на ногах и сел, замерев в ужасе.

Вдоль высоких бетонных блоков – ими когда-то, в годы Безвременья, уцелевшие люди пытались укрепить берега, но потом бросили – лежали груды костей.

Человеческих костей...

...Несмотря на свой тогдашний возраст, Денис уже знал страшную статистику. Во время Третьей мировой – за какие-то полгода – погибла треть стосорокамиллионного населения Российской Федерации. В последующий год погибло еще шестьдесят миллионов, и за следующие четыре года до нового появления Солнца – двадцать миллионов. Был момент, когда все население на территории бывшей РФ составляло едва три миллиона человек.

Впрочем, русским еще повезло. Их спасли сразу несколько факторов – невероятная неприхотливость, почти полное отсутствие крупных поселений по берегам взбесившихся океанов (тогда как в большинстве других стран люди селились гуще всего именно там), огромная территория... Северная Америка, например, практически начисто вымерла южнее пятидесятой параллели – континент стал кладбищем почти трехсот миллионов человек. В первый же год полностью обезлюдел почти полуторамиллиардный Китай. Сохранившиеся от тех времен

немногочисленные хроники не показывали даже старшекласникам на уроках истории – не из соображений какой-то секретности, а просто в силу их непереносимости. Операторы – частные лица и офицеры РА – бесстрастно фиксировали кошмарные пандемии тифа, мутировавшего гриппа-огневика и чумы, массовое людоедство и суициды целых населенных пунктов, безжалостные боины по серьезным и несерьезным причинам и вообще без причин, замерзшие города-«миллионеры», невероятных масштабов голод...

Но одно дело читать или даже смотреть отрывки хроник. А другое...

Поеживаясь, Денис рассматривал скелеты. Их было непредставимо много. Сотни. Или тысячи. Кости перепутались, скалились черепа, белесый острый забор ребер не имел конца. Денис различил, что среди скелетов много детских.

Земля была усыпана проеденными временем гильзами – шелестящим ковром. Людей привозили или приводили сюда и резали из пулеметов. Потом – новых... И это была не бандитская расправа. Наоборот. Денис знал, что это, потому что не скрывалось: такое было.

Тут «витязи» РА расстреливали пленных бандитов и людоедов, смертельно больных, сумасшедших, неполноценных по каким-либо причинам людей. Именно так – приводили и привозили со всего Северо-Запада – и...

Дед рассказывал, как это было. Что у пулеметов плавилась стволы. Их меняли и стреляли снова. Деду было двенадцать лет, и он, кадет школы РА, как раз и менял стволы одному из расчетов. Не здесь, но в таком же месте.

Но благодаря вот таким бойням, в которых погибли десятки тысяч, уцелели сотни людей. Сотни – зато здоровых, нормальных, целеустремленных, которые в противном случае потонули бы в диком потоке больных, сумасшедших, «идейных» преступников.

Уцелели – и дали начало новой цивилизации. Ему, Денису, дали начало.

Но представлять себе то, что тут происходило, все-таки было страшно. Так страшно, что внутри все сжималось и во рту скапливалась кислая слюна. И он знал: увиденная картина будет сниться. Долго.

Денис заставил себя пройти мимо этого жуткого вала, не глядя в ту сторону. И с облегчением, не оглядываясь, припустил вдоль набережной, едва скелеты кончились. Страх отставал – он не мог бегать так же быстро, как мальчишка, – и к тому месту, где начинался мост, Денис подбежал уже почти спокойный. Призраки прошлого остались позади...

Правда, теперь рядом был еще один призрак. Но не страшный, а угрюмо-величественный.

Мост поднимался в высоту с берега. Рыжий от ржавчины, он отбрасывал холодную тень.

– Ого, – сказал мальчишка и шлепнул по основанию – балке толщиной в десять таких, как он, десятилетних пацанов. Внезапно ему стало жалко мост. Что с ним будет? Разберут на металл, наверное... Здорово было бы, если б восстановили, но зачем? Давно превратился в море другой берег древней Невы...

Еще минуту назад Денис уверял себя, что идет «просто посмотреть». А теперь, глядя в облачное небо, которое поддерживал мост, мальчишка уже примеривался – а вот туда вполне можно... и туда... и будет даже не очень и высоко...

Он огляделся. Щелкнул пальцами левой и правой руки – так полагалось делать «на удачу», если что задумал. Сдернул ногу об ногу незашнурованные кеды. Подпрыгнул, ухватившись за балку – и, коротко качнув гибкое тело, забросил себя на нее.

Металл был холодный, почти жег пятки. Зато на балке, оказывается, можно было удобно стоять – она была намного шире, чем казалась снизу, целый стол, а не балка. Денис, ободренный этим, легко поднялся до того места, которое наметил снизу – на высоту примерно трехэтажного дома. Физически очень крепкий, не страдавший никакими древними «фобиями», упрямый мальчишка встал на балке, придерживаясь одной рукой за несущую. Посмотрел вверх. А ведь и дальше совсем не трудно... Можно будет залезть во-он туда. И там нацарапать на ржавчине что-нибудь... такое. **Такое**, вроде «Денис Третьяков. Я люблю свой город!».

Конечно, сто раз можно сказать, что этой надписи никто не увидит – разве что рабочие на заводе, когда будут плавить металл... Ну и что? Они-то увидят! И, может, будут гадать, кто был Денис Третьяков, расписавшийся... во-о-он там, на высоте примерно девятого этажа.

И он, полюбовавшись на пролив, полез дальше.

Лезть было по-прежнему легко, хотя немного начало саднить пальцы рук. Добравшись до загаданного места, Денис постоял, удивляясь тому, какая панорама открывается – к тому, что он видел, подходило только это громоздко-величественное «взрослое» слово. А потом решил пройти по перпендикулярной балке до фермы, которая когда-то была нижней опорной, если мосты сводили.

Она была толстенная, в пятерых Денисов. И со всех сторон шли другие, на которые можно было опереться и за которые можно было ухватиться. И что с того, что внизу – тридцатиметровая пропасть?

Правда, когда мальчишка наступил на нее, стало чуть-чуть не по себе. Самую капельку. Ветер какой-то начался – несильный, но холодный, неласковый. И вообще казалось, что мост немного шатается... Но все это было мелочами, на которые не стоило обращать внимания.

Денис и не обращал. Пока на середине балки вся конструкция разом не поехала куда-то в сторону. От скрежета заложило уши... мальчишка не успел испугаться, когда схватился за первое, что попало под пальцы...

Испугался он потом. Когда, подтянувшись, сел на балку... и понял, что выбраться отсюда не сможет.

Он сидел на пологом на трапецию дрожащем куске, от которого до основной массы моста было метра три в сторону. Три метра Денис мог перепрыгнуть запросто... **с разбега.**

А там, где он сидел, и шагнуть-то просто было негде.

Когда до Дениса дошел весь ужас его положения, он первым делом пустил слезу. В первый раз за два года. Но ревел он недолго, потому что это не имело смысла, да и ветер, раскачивавший его на трапеции, сушил слезы быстро.

Прыгнуть? Мальчишка посмотрел вниз, и пустота злорадно загудела и стала раскачивать мост. Денис плавал хорошо и нырял хорошо... вот только с такой высоты о воду хрястнешься – и, скорее всего, гроб.

Со своего места Денис хорошо видел не только панораму разрушений. Он видел и то, как среди развалин тут и там движутся люди и техника, слышал шум работ... Оставалось одно – орать.

И Денис угрюмо понял, что орать не будет, даже если полетит вниз. Потому что, когда его спасут... что его выпорют – это ладно. Но как над ним будут смеяться в школе!!! Потом!!! Полез за приключениями – и его снимали спасатели!!! Смотрите, ха-ха, герой-поисковик! А в кого ты играл? А кто тебе стирал трусишки? Девчонки, смотрите, вон тот сопляк, которого...

Нет уж.

Лучше вниз головой.

Хмурая решимость умереть, но не сдаться, была вознаграждена тут же.

Денис услышал свист – и, судорожно клюнув головой, увидел внизу, на набережной, маленькую фигурку.

– Э-эй! – донеслось снизу приглушенное, но явно невзрослое. – Ты что там де-ла-е-е-ешь?!

Мальчишка!!! От облегчения Денис чуть не спикировал с насеста на автопилоте. Но тут же подумал – еще какой мальчишка: скажешь ему, что к чему, а он запаникует – и рванет за взрослыми... Поэтому Денис ответил тонким спокойным голосом:

– Пейзажем любую-у-ушь!

Мальчишка внизу потоптался. Потом крикнул:

– А к тебе можно-о-о-о?!

Денис возликовал.

– Залеза-а-а... – Он подавился воздухом и икнул: – Й!..

... Наверное, ни за одним спортивным соревнованием, ни за одним фильмом в своей десятилетней жизни (а если подумать, то и меньшей – уберите годы младенческой несознанки...) Денис не следил так напряженно и заинтересованно. И с удивлением и даже завистью какой-то понял, что мальчишка лезет ловче, быстрее и уверенней его самого.

Вскоре Денис уже различал своего спа... нового знакомого. И, грешным делом, как говорил дед, подумал: мальчишка не настоящий. В смысле – **не нынешний**. А из того, **прошлого** времени...

Армейскую куртку перетягивали ремни – широкий поясной с ножом и лопаткой, узкий плечевой с фляжкой и большой сумкой. Дранные джинсы подкатаны под колено, тоже босиком – но, судя по цвету его ног, он не разулся где-то тут, как Денис, а и шастал тут босой. Мальчишка был повыше Дениса, но еще тоньше, смуглый, черноволосый, а глаза – когда он посмотрел на Дениса с соседней уже балки и подмигнул – оказались больше и синющие.

– Ну и как пейзаж? – спросил мальчишка, усаживаясь на балку верхом и болтая ногами.

– Нормально, – улыбнулся Денис. Улыбка получилась кривой и дрожащей, и он это понял.

Но мальчишка не стал смеяться.

– Может, назад полезем? – поинтересовался он, быстро и ловко разматывая с пояса репшнур – потертый, как и его хозяин.

– Я согласен, только б не полететь... – ответил Денис, и голос все-таки сорвался.

– Да нормально все будет, – спокойно сказал мальчишка, умело крепя веревку за балку сбоку от себя булинем. Денис только теперь сообразил, что его спаситель (ох, хоть бы!..) говорит с каким-то акцентом – легким и приятным. – Ты же высоты не боишься, иначе как тут оказался?

– Лучше бы боялся, – отозвался Денис. – Не полез бы.

– А, куда не лазить неинтересно, – легко ответил мальчишка, делая из второго шнура «беседку» и завязывая свободный конец за ту же балку. – На, под мышки пропусти... и это держи, крепи у себя. – Киповым, знаешь?

– Знаю, – кивнул Денис. Он усердно готовился к сдаче пионерминимума и узлы уже знал.

– Вот и крепи, а то шнур жалко терять. Там длинно, хватит с запасом.

От его спокойствия и даже какой-то веселости Денис тоже успокоился. Совсем как-то. Как будто ничего и не происходило особенного – так, школьный скалодром...

Он ловко завязал узлы, держась ногами. Мальчишка напротив что-то насвистывал – веселое и безалаберное. Потом, увидев, что Денис пропустил под мышками «беседку», придвинулся ближе и протянул руку:

– Ну, давай.

Денис хотел гордо сказать: «Я сам!» – но духу не хватило. Он кивнул, прополз до края висящей конструкции, зажал в зубах свободный конец кипового узла и, помедлив всего миг, переполз на веревку.

Ух, вот когда стало страшно!!! Повиснув спиной к пропасти, мальчишка, стиснув зубы и почти жуя шнур, перебирал руками.

«А если я киповый неправильно завязал... он сейчас...» – бессвязно подумал Денис, но вокруг запястья уже сомкнулись твердые, сухие, горячие пальцы – и пацан неожиданно сильно почти втащил Дениса на балку.

Они сидели друг против друга. Денис тяжело дышал, потом подергал, выплонув, шнур – киповый послушно распустился. Мальчишка помог Денису вылезти из «беседки», они отвязали шнуры от балки, смотали их и полезли вниз.

Когда они спустились, Денис сразу сел и спрятал голову в коленках, накрыл сверху руками. От страха все тело дрожало, как студень. Мысли были ленивые и противные. Потом внутри все туго сжалось; быстро выпрямившись, мальчишка вытошнил в сторону завтрак и опять спрятал голову, надеясь, что его спаситель уйдет. Чтобы не смотреть на труса... и чтобы самому Денису не пришлось смотреть на него – трусу на смельчака...

Но, когда Денис поднял голову, мальчишка не ушел. Он сидел рядом и смотрел на клубы облаков. Потом перевел взгляд на Дениса – и во взгляде не было ни насмешки, ни даже превосходства.

– Пить хочешь? – Мальчишка отстегнул от ремня фляжку.

Денис мотнул головой, снял свою, прополоскал рот и напился. Встал, подобрал кеды. Хмуро сказал:

– Я... пойду...

Даже не сказал, а спросил, как будто мальчишка был тут полным хозяином и мог разрешать и запрещать что-то делать.

Тот поднялся тоже. Кивнул:

– Ага, пойдём... – И вдруг, задрав голову, признался: – Я туда не лазил никогда. Поднимался так, – он чиркнул в воздухе ладонью, – на один этаж, на два. А дальше гляну – страшно лезть.

– Врешь, – недоверчиво сказал Денис.

Мальчишка пожал плечами:

– Зачем мне врать? А сегодня иду, глянул – а там ты сидишь. Ну, думаю, вот это смельчак...

– Ага, – горько сказал Денис. – Смельчак. Повис, как попугай на жердочке...

– Ха, – ухмыльнулся мальчишка. – Можно подумать, ты виноват, что ферма лопнула. Это, если хочешь знать, форс-мажор. Непреодолимые обстоятельства.

– Я боялся, что ты за взрослыми рванешь, – сказал Денис по-прежнему хмуро.

Мальчишка изумился:

– Я что, контуженный?! Мне мой зад дорог, я на нем сижу часто. Меня отсюда и так гоняют, а дома вообще... Сказали бы: «Ах, слов не понимаешь?» – ну и... – и он звонко шлепнул себя ладонью по мягкому месту. Поморщился: – Ой, больно...

Денис хихикнул. Посмотрел на мальчишку уже внимательно. Спросил с заминкой:

– А у тебя... ты... в общем, у тебя дом есть?

– А как же? – удивился мальчишка и засмеялся: – А! Ты думал, что я как в книжке – этот, беспризорник?!

– Ну, – признался Денис. – Вернее... я сперва подумал, что ты... призрак, что ли.

– Не, я не призрак, – мальчишка опять засмеялся. – Я Войко. Войко Караджич, мы сюда в начале лета переехали. А так я хожу, – он потоптался на месте, – потому что так удобнее... и вообще, я все равно изгваздаюсь весь. Я эту одежду и домой-то не ношу...

– А, вот почему я тебя не знаю! – обрадовался Денис. – Денис... Третьяков, – он протянул руку, перепачканную ржавчиной. – Ой, вот это я... – он оглядел себя с головы до ног. – Мне тоже будет по попе... Пошли искупаемся?

– Пошли, – охотно согласился Войко.

– погоди, а почему у тебя такое имя странное? – заинтересовался Денис. – Войко. Да еще Караджич...

– А я серб, – просто сказал мальчишка.

– Се-е-ерб?!.

...Денис никогда в жизни не видел сербов. И все, что он знал о них буквально до позавчерашнего дня – это что на юге, на Балконском полуострове (так он тогда называл Балканский полуостров), живет такой народ. Несколько маленьких княжеств. Какие-то собираются присо-

единяться к Империи, какие-то чего-то медлят (хотя чего тут медлить?!). Но... бывают же в жизни такие совпадения! Как раз позавчера он пробрался на «взрослый» сеанс в «Солярис». На фильм «Люди из Черных Гор». Одноклассники, которым уже повезло, округляя глаза, рассказывали, что фильм «прямо страшный, но такой!..» – и малосвязно пересказывали содержание, захлебываясь словами.

Да, фильм был **такой**. Денис понял, что он будет такой, еще в самом начале, когда на фоне горящего дома стоял, стиснув кулаки, молодой мужчина и глядел остановившимися глазами на то, как у самого порога горят два лежащих в обнимку тела – женщины и ребенка. И сквозь треск огня прорывалась рычащая песня про ненависть... Денис запомнил строчки:

Ненависть – юным уродует лица!
Ненависть – просится из берегов!
Ненависть жаждет и хочет напиться
Черною кровью врагов!

И страшным фильм был тоже. Конечно, там были объятия-поцелуи, но его сделали «для взрослых» точно не из-за этого. Денис, сидя в углу за верхним рядом с еще несколькими такими же «зайцами», иногда зажмуривал глаза, не выдерживал. Все равно никто не видит в темноте... Раньше он ни разу не попадал на такой фильм.

Фильм был про сербов. Как на них – тоже тогда, в начале войны, напали те, кому враг заплатил деньги. И начали жечь деревни и городки. Вот тут смотреть было почти нельзя. Зато потом!!! Денис захлебнулся от гневного ощущения справедливости, когда те, кто выжил, объединились вокруг главного героя – бывшего молодого инженера. Ух, они дали бандитам! И потом еще дали – когда высадились морские пехотинцы врага, понявшего, что наемники сами не справятся. И пусть у тех была техника разная, и было их больше – сербы и их били. И про Россию там тоже было. Сербы иногда говорили про нее – как про старшего брата. И погибли за нее... Взорвали авианосец, который шел вдоль их берегов в Крым. Могли не делать этого, потому что осталось мало людей и все очень устали и измучились воевать (такого тоже Денис не видел раньше в кино). Но когда серая громадина поползла мимо их берегов – не выдержали. Разбили авианосец катерами со взрывчаткой и почти все погибли. А оставшиеся в живых еще долго оборонялись на прибрежных скалах. И последняя картина врезалась в память – разрушенные позиции, лезущие со всех сторон вражеские солдаты, флаг на кривой палке и голос последнего оставшегося в живых – пацана-пулеметчика, немногим старше самого Дениса. Как он сидит около разбитого пулемета, держит в руках по гранате с вырванными кольцами, улыбается и поет – громко так, сильно:

Марш! Марш,
Генерал наш...

Изображение смещается, враги с ликующими воплями прыгают в окоп сразу с нескольких сторон.

Двойной взрыв.

Флаг стоит.

На его фоне – всплывает надпись:

**СЕРБСКИМ БРАТЬЯМ, В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ СТОЯВШИМ
ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ РЯДОМ С НАМИ**

Все. Экран чернеет. Надпись: **КОНЕЦ**. И почему-то нет обиды за погибших героев...

... – Серб?! – повторил Денис и недоверчиво оглядел мальчишку. Войко был совсем обычный. Не киношный. Хотя... и там люди тоже были обычными и часто совсем не героическими на вид. Вот и Войко – какой бы ни был, а залез-то на мост он. – А как же ты здесь?

– А мы в начале лета приехали, – ответил Войко. Мальчишки как-то незаметно уже шагали вдоль реки, выискивая место для того, чтобы окунуться. – Ойце... отец приехал учиться.

– Учиться? – захлопал глазами Денис. – Это как это учиться, он же...

– Ну да, он у меня уже старый, – подтвердил Войко, хлопая ладонью по фляжке. – Ему сорок почти. Да, учиться. У нас инженеры нужны, гидроинженеры, которые с водой работают, – неуверенно пояснил Войко. – Отца сам князь Лазар попросил, они друзья, с детства. Поезжай на Россию и учись сам, заодно за молодыми присмотришь. Человек двадцать наших приехало, но семья у одного отца – я и майка... мама... – Видно было, что, несмотря на правильный русский, эти слова – отец и мать – Войко привык произносить на родном языке. – Есть еще две сестры, но они уже взрослые совсем, замужем, в Београде живут... А Драже, старший, тоже тут... А твой ойце кто?

– Он... – Денис понял, что не знает толком, как объяснить. – В общем, он жуликов ловит.

– А, милиционер, – кивнул Войко. – Я тоже хотел милиционером стать. Смотрел «Рысенок»?

– Конечно! – фыркнул Денис, запнулся о какой-то камень и, сказав «уй-а!», пару шагов пропрыгал на одной ноге. Кто же не смотрел многосерийку про веселого и бесшабашного подпоручика милиции Яроша Таркириана по прозвищу Рысенок?

Денис, ступая на пятку и шевеля рыжими от ржавчины пальцами, совсем хотел уже начать разговор про фильмы вообще, но заинтересовался:

– А сейчас кем хочешь быть?

– Косморазведчиком, – сказал Войко. – Ты думаешь, чего я тут брожу? Готовлюсь... А ты?

– Кем стать хочу или что тут делаю? – уточнил Денис. – Вон, место хорошее... Стать хочу как папка. А тут я так. Разное ищу. На продажу, на обмен или просто... так. Для интереса.

– А кому ты продаешь? – удивился Войко.

– А ты не знаешь?! – удивился в ответ Денис. – Есть магазинчик такой, там покупают. Хочешь, потом покажу?

– Конечно... – Войко осмотрелся. – А тут можно купаться, дно какое?

– А тут сразу обрыв, – со знанием дела пояснил Денис, уже вылезая из маскировочных штанов. – Бух, и двадцать этажей. Ты как плаваешь?

– Нормально, – Войко положил на землю свою сбрую. Гремнул ножом о лопатку. Он был такой же коричневый от загара, как и Денис, только Денис – белокожий от природы – был золотисто-коричневый, а Войко – смуглый – оказался именно ореховый.

Мальчишки с внезапным смущением поглядели друг на друга. Денис не знал, что думает Войко, а он сам подумал:

«Ну, вот, и что теперь-то? Мы кто? Просто пацаны встретились – или уже что-то больше?»

Ну, может, он и не так думал – в десять-то лет. Но суть быстрых мыслей была именно такова. И так продолжалось не меньше полуминуты. А потом Войко вдруг крикнул:

– Смотри, вот как! – разбежался, прыгнул, собрался в тугий комок и уже перед самой водой резко выпрямился и ушел в воду стрелой, без брызг, только бухнуло утробно. И тогда Денис тоже коротко разбежался и прыгнул следом, выкинув впереди сложенные «лодочкой» руки и ощущая в мгновения полета, как мгновенно и сладко захватывает дух – у-у-у... рраз!..

...Они никуда не пошли, когда накупались и вылезли на берег. Если честно, Денис почему-то очень-очень боялся – вылезут, и Войко оденется, кивнет дружелюбно – и поша-

гает куда-то домой и... и все кончится. Как будто надломится что-то тоненькое, только-только появившееся. Поэтому Денис дурачился, плескался, бултыхался, пока не заломило плечи и дрожь от холодной водички не проникла уже до самого сердца.

А Войко никуда не ушел.

Они сели на каменные плиты и долго весело тряслись, косясь друг на друга и сдувая с губ и носов капли, пока мелькающее в быстрых тучах солнце не заставило их обоих распрямиться и растянуться в рост, блаженно шурясь в небо. Войко подтащил свою сумку. Денис посмотрел с интересом. Спросил:

– А там у тебя что?

– Находки, – значительно ответил Войко, ложась на живот. – Вот, смотри...

...Находки оказались и правда значительными. Небольшими, но ценными по мальчишеским понятиям Петрограда. Металлическая тяжелая зажигалка, совсем не потемневшая, с выпуклым рисунком-рельефом – распростерший крылья орел. Браслет с чеканными стеблями трав и цветов, пара сережек – серебряных, с алыми камешками («Я маме подарю», – без смущения признался Войко). Набор солдатиков – пластмассовых, довольно аляповатых, но интересных незнакомой формой. Две модельки машинок («Это «Волга», я знаю», – ткнул Денис в одну пальцем, и Войко уважительно спросил: «Да?»). Совсем целый набор цветных открыток с видами того, старинного Петрограда-Петербурга, только было написано даже «Ленинград» – так город назывался совсем-совсем давно. Еще разное, много – мелкие, но ценные находки, некоторые из них вызвали у Дениса легкую зависть.

– Слушай, – Денис вытянулся на животе нос к носу с Войко. – Давай зажигалку менять? У меня есть солдатика, только не такие, а оловянные, там все прямо точно-точно, как скульптуры маленькие. Как сейчас делают, но они правда-правда тогдашние, я нашел прошлой осенью... Выберешь, какого хочешь. Будешь?

– Она не работает, – предупредил Войко, но в глазах серба зажегся интерес.

– Ну и что? – Денис провел пальцем по орлу. – Вон какая... Будешь?

– А когда? – Войко явно заинтересовался.

– А завтра заходи, я тебе покажу, где живу... – сказал Денис и смутился.

Но Войко кивнул легко:

– Ладно, я приду... – и подтянул к себе открытки.

Разложил их веером. Перебрал.

– Жалко, – неожиданно сказал Войко, сорвав проросшую в щели плит травинку и покусывая ее. Денис **понял**, о чем он говорит, и ответил негромко:

– Ну... они сразу сгорели. Раз – и все... Это ведь не больно...

– Я не про это, – Войко поморщился. – Это... понимаешь... это нечестно! – он посмотрел на Дениса потемневшими глазами. – Это подлая война. Вот какой бы ты ни был сильный, смелый, как бы ты ни готовился – раз – и все, как ты говоришь. Огонь – и никого нет. Нечестно... По-моему, честней десять миллионов человек убить в бою, чем миллион вот так... подло сжечь.

Денис задумался. И неожиданно понял, что Войко **прав**. Да, прав. Было что-то в такой войне... что было хуже любых убийств.

– А наши? – осторожно спросил Денис. – Ведь это наши... первыми...

– Наши, – согласился Войко. – Но они, во-первых, не по городам сначала стреляли, ты же знаешь. А во-вторых, их же вынудили. У них хотели отобрать Родину и честь. А они просто защищались. Не сделай они так, сейчас на планете жило бы не триста миллионов, а семь миллиардов человек. Но что это была бы за жизнь? Тюрьма...

И опять Денис подумал с уважением, что Войко говорит правильно. И у него это получилось так просто и естественно, про Родину и честь... Денис и сам про это думал, но вслух

говорить не осмеливался – боялся, что прозвучит смешно. Скажут: сопляк десятилетний рас-философствовался! А у Войко – ничего смешного.

«Родина и честь. За это не страшно...» – отрывисто не додумал Денис и отвернулся к воде, чтобы не показывать новому знакомому глаз.

Войко лениво дотянулся до своих штанов и достал пачку сигарет – синюю, с белой надписью «Герцеговина Флор» – и зажигалку. Денис с интересом и недоумением наблюдал, как его новый знакомый, ловко выбросив из пачки коричневую палочку – неуловимым движением кисти, – поймал ее зубами, запалил и с явным удовольствием затянулся. Выдохнул струйку дыма – сладковато пахнувшего, синеватого. Покосился на Дениса и протянул пачку:

– Хочешь?

– Не, спасибо... – Денис опасливо отодвинулся. – Ты куришь?

– У нас почти все курят, – Войко снова выцедил из ноздрей уже две струйки.

– А у нас почти никто, – Денис продолжал наблюдать за этим процессом, испытывая острейшее желание попробовать.

Мальчишки долго сидели молча. Войко курил, потом сунул в трещину плиты окуроч. Денис смотрел, как с запада над проливом идет туча, потом поднялся:

– Давай одеваться и пошли, сейчас будет дождь...

...Дождь их все-таки достал – теплый и бурный, с ветром. Улица, по которой они мчались, за секунду превратилась в бурлящую белую реку, и мальчишки, чувствуя, как у них из-под ног вырывает землю, с хохотом влетели в какой-то полуразрушенный дом, где в подвале Войко, оказывается, содержал «базу».

Пока Войко переодевался, превращаясь во вполне обычного мальчишку, а Денис выжимал одежду, дождь кончился и стало душно, жарко и туманно – от земли, как от мокрой тряпки под утюгом, перли вверх испарения.

Войко как-то притих и поскукнел и, когда Денис показал ему свой дом и повторил приглашение заходить завтра, серб только кивнул, бросил: «Ну, пока», – и зашагал по улице...

...На следующий день Денис мучился с самого утра. А вдруг Войко не придет?! Он, Денис, даже не спросил его адрес, постеснялся. Поди найди в четвертьмиллионном городе одного-единственного мальчишку! Нет, конечно, найти можно, тем более такого необычного – серба. Но найдешь, а дальше что? Вдруг Войко и не хочет больше знаться с Денисом. Глупо получится и... и стыдно.

Он так и метался. С утра и до полудня. Поминутно бегал к окнам, выскакивал на улицу. Перебирал все, что хотел показать Войко. И уже совсем отчаялся, когда мама вдруг сказала, заглядывая в комнату:

– Дениска, а к тебе какой-то мальчик. Я такого не знаю.

– Мам! – Денис метнулся мимо нее – наружу.

Но Войко, оказывается, уже вошел в коридор и стоял там, оглядываясь. Денис затормозил и смущенно улыбнулся.

А Войко улыбнулся тоже и сказал, поправив на плече сумку:

– Вот, я пришел...

Сумка – это все, что осталось в нем от вчерашнего. Войко совсем не был похож на себя, в черной жилетке поверх белой рубашки, в черных брючках, в черных туфлях... И Денис, еще больше смутившись, сказал:

– Ну, это... проходи...

...Когда через полчаса Валерия Вадимовна, мучившаяся удивлением и любопытством – уж больно не похож был на приятелей сына этот аккуратный тоненький мальчик, говоривший с приятным акцентом, – уже совсем собралась «невзначай» заглянуть в комнату Дениса, там ахнуло, бухнуло – и женщина, быстро вошедшая на шум, увидела, что аккуратный гость сыночка, пробравшись ползком за двумя опрокинутыми креслами, как раз размахивается,

чтобы метнуть в Дениса, сидящего за письменным столом, муляж гранаты. По столу были разбросаны разные мальчишеские сокровища, а на постели явно проходил чемпионат по вольной борьбе (вообще-то это была борьба «рванье за надлаkitцу», как позже объяснил Войко, и именно ей он учил нового русского друга).

В общем, все было нормально.

Валерия Вадимовна кашлянула и сказала строго:

– Ну вот что, юноши...

... – А ты завтра придешь? – спросил Денис, когда они – уже в сумерках – шли по улице.

– Приходи ты ко мне, – предложил Войко. И Денис просиял:

– Ага, я приду!

Глава 4

Наш город

Вот так они и стали дружить.

Пришла осень, потом зима, весна, лето... И снова – осень, зима, весна, лето... И опять – осень, зима, весна, лето... Кстати, Денис знал, что еще два года – и семья Караджичей вернется в Београд. Но два года – это уйма времени. Это почти столько, сколько они уже дружили, а дружили они **вечность**. Так казалось обоим. Да и потом – они к тому времени как раз закончат школу и будут почти взрослыми. Во всяком случае, им исполнится по шестнадцать, и они смогут сами распоряжаться собой. Нет, ни Войко не передумал стать косморазведчиком, ни Денис – офицером ОБХСС. Но оба училища – в Рязани. Так что ж думать о расставании? Тем более что обе семьи – так получилось – тоже сдружились, хотя первый раз родители встретились друг с другом, когда разыскивали – через полмесяца после знакомства чад – этих самых чад, которые решили посмотреть, как выглядят Балтийские острова с развалинами древнего Дальринга, и, пробравшись вместе с грузом в транспортный самолет... ну и так далее. Поскольку выяснить, кто был зачинщиком, не удалось, выпороли обоих одинаково. Ну а дальше было первое приглашение на совместный праздник (это был День Солнца) и еще, и еще, вплоть до прошлогодних двух недель в июле, вместе проведенных Третьяковыми и Караджичами на Урале, в горах.

Мальчишки менялись – в смысле росли, но, как казалось родителям, ничуть не умнели. Сами они так не считали. Да и, пожалуй, делали в жизни не больше глупостей, чем любые другие мальчишки. Когда же оба стали пионерами, то их глупости обрели твердую идеологическую основу. Попробуй запрети «ребенку» явиться домой в три утра, если он ясно и точно рапортует, что они собирали стереоколлекцию для пионеров Тегерана. Или как отнестись к тому, что сын трое суток напролет пропадает в Кольцевой, если было официально сказано – отряд работает на разборке завалов?..

...Денис грустно улыбнулся и вошел в ворота школы...

...Хотя пионерский отряд и располагался в здании **школы – к школе как таковой** он не имел никакого отношения. Пионерами в Русской Империи была примерно треть мальчишек и четверть девчонок десяти-шестнадцати лет; остальные почти все хотели этого неистово, но отбор был очень серьезным, учитывалась масса критериев. Поэтому в отрядах имени Жени Арефьева и Лены Тарьянен³ были мальчишки и девчонки со всего юга Петрограда, в большинстве своем даже учившиеся не в пятой школе.

Денис обогнул главный школьный корпус по аллее, обсаженной все теми же соснами и можжевельником, – и оказался у парных дверей, фосфоресцирующие таблички над которыми утверждали, что именно здесь, и нигде более, располагаются вышеуказанные отряды и что время работы круглый год с 8.00 до 19.00. Ниже было подписано:

Хе-хе

и

и с 19.00 до 8.00

³ Женя Арефьев – в самом начале ядерной войны тринадцатилетний питерский беспризорник Женя Арефьев в течение нескольких дней вводил в отлично изученные им подземные лабиринты города не успевших выбраться за его пределы детей и взрослых. Умер от лучевой болезни после одного из рейдов, которые не прекращал даже после того, как спасенные им люди его пытались оставить «внизу» силой. Лена Тарьянен – пятнадцатилетняя карельская девочка, в период наземных боев после ядерной войны расстреляла из брошенной установки ЗСУ 23-2 колонну прибалтийских оккупантов недалеко от Парголова. Погибла в этом бою.

Еще ниже – нарисован символ пионерорганизации – золотая прямая ладонь, только вместо горящего на ней огня с тремя лепестками было написано:

Подайте будущему нации на новые спальники.

Надпись про спальники была относительно свежей. У Дениса при виде ее даже слегка исправилось настроение. Он хотел почитать, что там прибавилось на большущей доске объявлений справа от входа, но потом как-то сразу вспомнил, что пришел сюда не за этим...

...Внутри становилось совершенно ясно, что официальная надпись на двери и правда «хе-хе» для здешних обитателей. Черные береты, алые галстуки плюс нашивки всех рангов и специальностей кишели прямо с вестибюля; островок спокойствия был лишь у знамени отряда и Стенда Славы, возле которых с палашами наголо замерла дежурная смена с горнистом. Дня явно не хватало; впрочем, если бы кто-то предложил мальчишкам растянуть сутки до двадцати шести часов и выключить сон – они бы с радостью согласились. Денис отлично знал, что такое эти ночные смены, хотя ему лично лучше работалось днем.

Войко следовало искать на подземном этаже, скорее всего – в мастерской, где создавался образец вездехода для разведчиков Марса. То приветствуя салютом знакомых, то отмахиваясь от других очень похожим жестом, Денис пробился к лестнице и спустился по ней в обычной манере – через три ступеньки. Мало ли что горе. Это не причина для того, чтобы наступать на каждую ступеньку... В третьей школе в прошлом году сконструировали воздушный лифт – кто-то прочитал где-то, что такое вроде бы возможно, и лифт склепали, и он даже месяц исправно работал, доставляя всех с этажа на этаж слегка потрепанными, но зато веселыми и быстро... Накрылся лифт, когда в него заманили школьного заведующего учебной частью по воспитательной работе. О подробностях тамошние пионеры умалчивали.

Нижний этаж был не такой шумный. Вернее, шум тут был деловитый, а кое за какими дверями, снабженными изоляцией, вообще царила суровая тишина. Денис остановился перед дверью, на которой висела исполненная рукой Войко табличка: «Не входить! Идут ходовые испытания!»

Ниже все еще покачивалась другая: «Второй год. Продукты, воду, гигиенические пакеты оставлять у двери, условный стук три раза».

Улыбнувшись, Денис постучал три раза...

* * *

– Уезжаешь, – сказал Войко.

– Да, – вздохнул Денис, не глядя на друга. – Вот так... Но еще целых три дня есть...

Мальчишки сидели на краю затопленной части моста. Вставало солнце – в окружении причудливых облаков, похожих на раскинутые крылья. С моря дул сильный теплый ветер, отшвыривал назад волосы мальчишек и раскачивал свисающие над водой ноги. Срывал с идущих волн высокие брызги, и Денис с Войко были мокрыми до колен.

– В море опять ураган, – сказал Войко, глядя вперед. – Драже там где-то... мать беспокоится очень.

– Да все нормально будет, – бессмысленно сказал Денис и, поняв, что сейчас разрешится, пружинисто встал и беззаботно сказал: – Искупаюсь.

Он вскинул над головой руки и без разбега прыгнул вверх. Сделал сальто и без брызг вошел в воду – как брошенное копьё.

Он погружался, пока хватало инерции, потом отчаянно заработал руками и ногами, стремясь уйти еще глубже. Вода была теплой; говорят, когда-то в Балтике всегда была холодная вода, но вот уже лет тридцать здесь даже зимой не видели льда.

Мальчишки часто ныряли здесь. В километре от берега лежало на дне трехсотметровое чудовище – остов американского авианосца, потопленного в самом конце Третьей миро-

вой. Громада отталкивала и притягивала одновременно. Правда, все мало-мальски ценное с корабля давно было снято и сейчас вроде бы стоял вопрос о поднятии огромного корпуса...

«Буммм!» – грянула вода. В подсвеченной алым рассветом толще Денис увидел отвесно уходящего вниз Войко – руки прижаты к бокам, только ступни работают, да извивается все тело. Денис остановил погружение – Войко упрямо проплыл мимо него, мелькнуло лицо со стиснутыми губами. Денис поймал серба за щиколотку, показал глазами – вверх! Тот мотнул головой, рывком выдернул ногу, пошел еще глубже. Денис извернулся всем телом – и ринулся за ним.

Мальчишки достигли дна и встали там, держась за какие-то ржавые конструкции – кажется, фонарные столбы. Стояли друг против друга, чуть поводя свободными руками. Легкие Дениса начали гореть, он поднял руку. Войко повернул голову – нет. Тогда Денис силой оторвал его руку от скользкого и колкого чугуна – и они вместе ринулись вверх...

...На поверхность Денис поднялся слепой от красных кругов в глазах. Когда проморгался, то увидел Войко – серб плывал рядом, из носа текли и тут же размывались водой струйки крови. Пролив разбушевался не на шутку за какую-то минуту, пока мальчишки были под водой, расходились тяжелые валы.

Не сговариваясь, оба поплыли обратно к мосту – к берегу, где осталась одежда. Швыряло все сильней, пока наконец не приложило последний раз об облицовку набережной – вышвырнуло, прокатило, обдирая кожу. Денис первым встал на ноги, втащил выше Войко, и они рухнули на траву возле своего барахла, тяжело дыша.

– Ты чего фокусничаешь? – выдохнул Денис, приподнимаясь на ободранных локтях. Все ссадины начало печь морской солью, в голове и горле плескалось пол-пролива. – А не выплыли бы?!

– А... – Войко отмахнулся. – Выплыли же.

– Дубина балконская, – улыбнулся Денис, снова падая животом на траву. До них долетали брызги мгновенно разбушевавшегося моря.

– Поедем завтра на Васильевский полуостров? – спросил Войко. – Туда. Помнишь, в прошлом году?

– Конечно! – обрадованно кивнул Денис, привставая на локте снова...

...Прошлой весной мальчишки синхронно, как у них всегда бывало, увлеклись пением. Петь они и раньше не стеснялись, а тут оказалось, что у обоих хорошие голоса, но ни тот, ни другой категорически не пожелали петь в хоре – их не устраивала тамошняя форма для выступлений, а главное – репертуар. Подумав немного, они решили делать не что-нибудь, а сольную программу из старых песен. Песни надергали откуда попало, а в качестве костюмов выбрали джинсы и жилетки. Жилетки вообще были сербские национальные, но, вывернутые, сошли за жилетки просто. После того как мальчишки решили выступать босиком, волосы подвязали золотисто-черными лентами и повесили гитары на мохнатые ремни-самоделки, получилось нечто не определяемое точно, но у публики с завидной согласованностью ассоциировавшееся с чем-то средневеково-первобытным, неуловимым, но романтичным. Это парни поняли, когда на репетицию к ним просочились в совершенно неприличном количестве «соседки» и просидели до конца, явно не **слушая**, а **глядя**. Ну... не сказать, что это было неприятно. Скорей наоборот. Почему и решено было закрепить имидж.

Первое же выступление – в стенах родной школы – прошло на ура. Как и последующие несколько – у соседей. А потом – уже осень была и они слегка подзабыли про увлечение – их просто пригласили от городской Думы на Васильевский полуостров – на празднование Дня мальчиков, 14 сентября.

Конечно, ни о каком отказе речь не шла – для отряда это был плюстик во весь фасад, да и мальчишкам захотелось «тряхнуть стариной», как серьезно выразился под общий смех Денис. Правда, выяснилось, что за два летних месяца мальчишки подросли и раздались в плечах, так

что пришлось повозиться с одеждой – но эти заботы взяли на себя девчонки, сочтя это почти за честь. Да и репертуар пришлось припомнить.

Если честно, Денис не взялся бы сказать, хорошо или плохо они выступали. Да он и не претендовал ни на что **такое** – на празднике было полно разных коллективов. С тех пор как профессиональная эстрада канула в Лету вместе с прежним миром, глупый и нездоровый ажиотаж-скандал вокруг искусства закончился раз и навсегда. Люди – и взрослые и нет – хотели именно **выступать**, даря свои выступления будущему Родины – растущим мальчишкам.

Просто они оба еще никогда не выступали перед такой большой аудиторией. Распорядитель указал одну из площадок, объявил номер очередности и скрылся, бросив мальчишкам: «Не робеть!» А они и не робели. Стояли за сценой и смотрели, как переливается вокруг море разноцветных огней и все еще горят вдали линии огромных факелов – там, где днем проходил парад и прием в пионеры. В прошлые разы они начинали с «Песня моя, Россия». Но тут вдруг Войко сказал:

– Денис, давай споем первой «Роль»?

Денис подумал – и согласился. Они оба не знали, кто автор этой песни, да вроде бы она и не очень подходила к празднику... Но сейчас просто кивнул. «Роль» так «Роль».

У Дениса голос был пониже, у Войко – повыше. Этим мальчишки всю пользовались для создания гаммы оттенков. Поэтому, когда на табло показался их номер и прозвучал голос, объявивший их выступление (снаружи активно зашумела группа поддержки), мальчишки вышли оба. Но Денис встал чуть в стороне, опираясь на гитару, как на меч, и опустив голову. А Войко, подойдя к самому краю сцены, вскинул гитару, как винтовку, наперевес... Но запел тихо и задумчиво – почти заговорил...

Вот уже который год
Сам себя, как роль, играю...
То смеюсь – то умираю,
Выходя на эшафот...

Он поднял взгляд от струн:

Дубль первый!
Дай господь...
Я закона не нарушу...
Выкорчевываю душу,
Замурованную в плоть...
Мне сегодня казнь приснилась...
И душа со мной простилась,
А потом у пьедестала
Птицей черною летала...
За грехи, видать,
За несмирение
Получил под статью
Оперение...

Дубль третий!
Дайте свет!
Бьется грешная в запоры
И, просачиваясь в поры,
Обретает

Белый цвет...
Из гримерной смрад вина,
А из ложи – смрад «шанели».
Для продажи на панели
Подходящая цена...

Он ударил по струнам, и тут же вступила гитара Дениса, который, играя, широким шагом подошел и встал рядом с Войко, незаметно подменив его голос своим в следующих куплетах:

На груди рвану рубаху
Перед выходом на плаху!
Там уже стоят с мечами
Прокуроры с палачами —
Вон вчера как сцену раскурочили...
Да вы ж мне сами цену напорочили!

Удар по струнам, взмах головой, все громче и громче голос и гитара:

Снова – жест!
Пригублю свой нательный крест
И красиво шагну вперед...
Эх – раздайся, честной народ!
Пятый дубль, прощальный взор,
Бабий крик и толпы напор,
Крупным планом пошел топор...⁴ —

почти выкрикнул Денис и замолчал.

А Войко тихо сказал:

– ...Мотор.

...Мальчишки не очень понимали, о чем песня. Вряд ли так уж поняли и слушатели. Но хлопали им здорово. Хлопали им на десять баллов (так и табло показало). И другие их песни встречали такими же аплодисментами.

Приз – гитару из хрусталя с оборванными серебряными струнами – они по очереди хранили друг у друга дома. По неделе.

* * *

– А как же та гитара? – спросил Войко. – Ну, приз?

От ночной непогоды и утреннего шторма не осталось и следа. Дул теплый ветер, светило солнце на необычайно безоблачном небе... Вагон струнника скользил над проливом – в сторону Васильевского полуострова. Мальчишки устроились на заднем полукруглом сиденье пустой прозрачной капли. Обычно они в таких случаях прилипали к окнам и восторженно обменивались впечатлениями. Смотреть на город не уставали ни его уроженец Денис, ни приезжий Войко. Да город и не был никогда одинаковым. Он менялся каждый день – и менялся только к лучшему. И мальчишки радостно отмечали – а вон там еще кусочек Кольцевой превратился в стройку... или в парк... а там – новые мачты струнника... а вон – гляди, гляди! – новая башня связи... О, глянь – новая облицовка на набережной у сфинксов!

⁴ Песня В. Третьякова.

Но не сегодня.

– Приз тебе, – твердо сказал Денис. – Это ты придумал тогда петь сначала «Роль».

– Ладно, – кивнул Войко. – Знаешь... мне не верится, что ты уедешь послезавтра. Правда.

– Мама тоже не очень верит... – Денис хрюкнул. – Что было-о-о-о... Бой за Севастополь.

Я из дому-то так рано смылся, чтобы взрывной волной не зацепило.

– Да ну? – Войко хихикнул. – Ну и что?

– Да что, что... Куда она денется? Пошумела, а потом собираться станет, точно. Думаешь, ей нравится в городской лаборатории сидеть? Она же полевой врач, – гордо сказал Денис. – А там, в Семиречье – развернись, рука!

– «Размахнись, рука» у вас говорят, – поправил Войко. – А вообще знаешь, я тут смотрел литературу... Там и правда развернуться есть где. Если не убьют.

– Нас этим не остановишь, – заявил Денис. – Да, Драже вернулся?

– Они в Хельсингфорсе отстаиваются. Сообщили... Ребята говорят, чтобы ты непременно пришел сегодня вечером, будет сбор. Специально по тебе.

– Конечно, приду, – Денис недовольно нахмурился. – Мне о таких вещах напоминать не надо. И писать буду. Подробно. Пусть публикуют в «Колючке», раздел «Наши зарубежные друзья».

Мальчишки рассмеялись. «Колючкой» называлась еженедельная отрядная газета, которая вполне оправдывала свое название. Но мысль о том, что он станет «зарубежным другом», Дениса тут же опечалила снова, и он уставился в пол.

– Там и пионеров нет, – пробормотал он.

– Ну, наши же живут, как же нет? – возразил Войко.

– Да это ты не знаешь... Наши живут, да. Но мы-то едем знаешь куда?! Какой-то Седьмой Горный поселок. Рядом с хребтом Голодный. Шахты, лес, поля, ближайший другой поселок – казачья станица Лихобабья.

– Как? – Войко разинул рот.

– Лихобабья... Там пока вообще никого наших нет. Откуда там пионеры?

– Будешь первым, – заметил Войко, и Денис перестал сетовать.

В какой-то степени это было даже заманчиво. Антон Ковалев тоже был один и первый. И Жан Саймонс... хоть он и не пионер, а скаут⁵. Но все равно.

– Ну, может, и так... – он хотел добавить «эх, если бы ты со мной поехал!», но промолчал. Такое и правда бывает только в самых детских книжках...

...Мальчишки вышли на Большом Проспекте. На том месте, где они когда-то выступали, вот уже полгода высилась спираль Дворца молодежи, которую немного портили кружащиеся ветряки. Но это было временно, дураку ясно.

Около входа, рядом с флагштоками, на которых развевались имперские флаги, стояли статуи – мальчишки их еще не видели, подошли ближе. Статуи были в натуральный человеческий рост. Слева – группа юношей и девушек, справа – медведь, рысь, волк... Мальчишки постояли минутку. Статуи были красивые, но какие-то безотносительные друг к другу, непонятно, зачем...

– Смотри, – вдруг сказал Войко, тронув локоть Дениса, – а они похожи.

⁵ Антон Ковалев с родителями – витязями РА и мелиораторами – приехал в разгар Серых Войн в окрестности Тегерана, где проживало большое количество русских, беженцев с севера, и их потомков. Заправляли всем в их среде полубандитские «конторы». Именно Антон организовал среди детей Тегерана первый пионерский отряд, который сыграл большую роль в борьбе за подрастающее поколение. Во время покушения на него Ковалев был тяжело ранен, но выжил и в описываемый период является городской головой Тегерана. Примерно так же складывалась несколько раньше судьба канадца Жана Саймонса, который жил и действовал в районе Венесуэльского залива – с поправкой на то, что его родители и старший брат были рыцарями «Фирда», профессиональными военными, и его «достать» боевикам наркокартелей так и не удалось. Но позже уже взрослый офицер исследовательского космического флота Англо-Саксонской Империи Жан Джереми Саймонс погиб во время экспедиции в Пояс астероидов.

– А? – удивился Денис. И неожиданно **понял**...

Молодые люди слева – именно люди, сильные, красиво одетые, с уверенными благородными лицами – были людьми вне всяких сомнений. Красивые, настороженные звери справа – вне всяких сомнений зверями. Но скульптор как-то добился **сходства**. Ничего похожего!!! И – сходство.

– Правда, – пробормотал Денис.

– А вы кто, молодые люди? – раздался сиплый мужской голос.

Мальчишки обернулись. Прямо на них смотрел высоченный мужчина. Нестарый, прямой. С неприятным лицом – острым, каким-то темным. Седой, короткостриженный. В черной куртке, в серых брюках, в черных мощных ботинках. С тяжелой палкой в левой руке. И вопрос был задан грозно.

Вот только в глазах – прищуренных, серых – у мужчины было доброжелательное любопытство.

– Мы? – удивился Войко. – Я – Войко, а он...

– Я, наверное, медведь, – сказал Денис, перебивая друга. Войко замолчал, быстро покосился на Дениса, на статуи... широко улыбнулся и сказал, вскинув глаза на мужчину:

– А я, наверное, рысь.

– Угу, угу, – мужчина покивал. – Сразу углядели?

– Нет, – покачал головой Денис. – Это Войко увидел. А я уже потом разглядел... ой! – вырвалось у него совсем по-детски. – Это... **ваши** скульптуры?!

Войко подтянулся. Мужчина оперся на палку. Кивнул:

– Мои... не подумайте, – он словно бы спохватился, – я не скульптор... почти. Не знаменитый. Даже не известный. Просто как раз вернулся в город и подал заявку на конкурс. Сам удивился, когда выиграл.

– А кто вы вообще? – спросил Войко.

– А вообще я космонавт, – как-то неохотно ответил мужчина и поднял голову, глядя на скульптуры. Улыбнулся. – Хорошо получилось. Честное слово, сам не ожидал, как хорошо!

Секунду мальчишки, не отрываясь, глядели в улыбающееся лицо. Потом переглянулись. Снова уставились на мужчину.

– Вы... – начал Войко изумленно.

– Капитан Крапивин! – почти крикнул Денис, опять перебив и опередив друга.

* * *

Мороженое было вкусным. Мальчишки съели две порции – с малиновым сиропом и с лимонным. А Петр Владиславович неспешно ел первую порцию и посмеивался.

– Не умеете вы есть вкусные вещи, молодые люди.

«Молодые люди» опять засмутились, как в тот первый момент, когда Петр Владиславович пригласил их в «Прибрежное». Это их даже оглушило. Петр Владиславович Крапивин, капитан исследовательского «Рубина»! Скульптуры были мгновенно забыты, куда там! Если бы в тот момент Крапивин пригласил их изображать зайчиков, прыгая по газонам, они бы согласились немедленно и с радостным визгом. **Капитан «Рубина»!** Орбита Нереиды! Высадка и закладка поселения на Тритоне! Бросок к Плутону! Город Рейнджеров на Хароне! Сенсационное возвращение! А они его не узнали сразу, не узнали, пока он не улыбнулся и не сделал глаза, как на знаменитом фото!

Войко немного смущенно, но весело ответил:

– А вы в детстве мороженое ели так же медленно?

Денис под столом пнул его кедом в щиколотку, но Петр Владиславович сказал, улыбаясь:

– А я в детстве мороженого не ел. Первый раз – уже когда в Гагарин приехал поступать.

– Не ели?! – потрясенно выдохнул Войко и широко облизнулся. – Ой, извините...

– Не ел, – подтвердил капитан Крапивин. – Мороженую картошку пробовать приходилось, она тоже сладкая!

И он искренне засмеялся.

– Вы в отпуске, да? – наконец осмелился спросить и Денис, выскребая металлической ложечкой стеклянную вазочку.

Петр Владиславович на миг похмурил, но тут же снова улыбнулся и сказал:

– Ага. В длительном. Будете еще? Только теперь я опять плачу.

Первую порцию – и себе, и Крапивину – Войко и Денис купили на свои деньги. Второй угостил их уже он сам.

– Не, хватит, – покачал головой Войко.

Денис согласно кивнул, и какое-то время все трое – мальчишки и мужчина – сидели, глядя на воду пролива. На небо опять быстро заходили облака, но ветер оставался теплым.

– А знаете, люди, – начал капитан Крапивин и вдруг смутился, помолодел, – я покаюсь. Есть у меня в нашем неожиданном знакомстве корыстный интерес. Я к этим скульптурам часто прихожу с тех пор, как поставили их. Люди смотрят, любят, да, все так, все приятно... и мне смотреть приятно, не скрою. Вот и сегодня... Только сегодня... вы как-то так стояли... Я плохо объясняю, – он поморщился. – Понимаете, я тысячу лет не разговаривал с... с людьми вашего возраста. Ну, если неофициально, так сказать... В общем, я посмотрел и подумал: вот мой город. Вот мои скульптуры. А вот ребята из этого города. Из **нашего** города, – сказал он с нажимом. – Что вы скажете, если я сделаю **вашу** скульптуру?

Мальчишки онемели, глядя на капитана Крапивина. Потом Войко коснулся своей груди – там, где под распахнутой легкой ветровкой на черной рубашке алел галстук:

– Нашу?!

– Ну да, – Петр Владиславович увлеченно оперся на палку, подался чуть в сторону от стула. – Прямо вот тут. На набережной. Стоят двое ребят и смотрят вдаль. И назову «Ребята из нашего города»!

– Денис! – Войко засветившимися глазами посмотрел на друга.

А Денис, опустив глаза, провел ложечкой по вазочке и сказал:

– Не выйдет ничего. Это ведь надо позировать. Долго. Я знаю. А я... – Денис поднял голову. – А я послезавтра уезжаю.

И проглотил комок в горле. Но, наверное, по глазам капитан «Рубина» умел читать, как по книге – и как же иначе?

– Расскажи, – просто предложил он...

... – Значит, у вас послезавтра разлука, – подытожил Петр Владиславович.

Денис кивнул. Войко вздохнул, глядя в пол веранды, выложенный строгим геометрическим узором – синим на белом. Крапивин провел палкой по плиткам вокруг своего тяжелого ботинка. Сказал тихо:

– Да-а... Вот оно как бывает. Но это ничего, это ведь... – он оборвал себя, досадливо поморщился. – А! Глупость сказать хотел, – признался он поднявшим на него глаза мальчишкам. – Типичную взрослую глупость. Но знаете... – встал и тяжело оперся на палку, но глаза у Петра Владиславовича снова стали молодыми, веселыми. – Знаете, кое-что я для вас сделать могу. Правда...

... Капитан Крапивин сделал всего четыре снимка – спереди, сзади и с боков, как Войко и Денис стоят на набережной. Потом качнул на ремне небольшой аппарат и сказал:

– Ну вот. Ребята по этим снимкам живо склепают трехмерную модель. И я сделаю скульптуру с нее. **Обязательно** сделаю! – с нажимом добавил он, протягивая руку. – Вот тут поставят. **Обязательно**, – повторил он. – И будете вы всегда вместе и всегда в этом городе.

Мальчишки быстро переглянулись. И так же быстро – и вместе – посмотрели на Петра Владиславовича благодарными и удивленными глазами, как на волшебника.

– Это мало, но это хоть что-то, – словно оправдываясь, сказал капитан. – Раз вы разъезжаетесь.

– Это то, что надо, – твердо сказал Денис.

Хотел подать руку капитану, но смутился. И Войко пожал руку первым – капитан Крапивин, то ли угадав желание Дениса, то ли собираясь это сделать давно, сам подал мальчишкам руку. Денис спросил, смутившись опять:

– А вы успеете ее сделать... ну, до отлета?

– Успею, – кивнул Петр Владиславович. – Спасибо вам, мальчишки.

– За что?! – искренне изумился Войко.

Крапивин улыбнулся. Двинул плечом:

– Так... И еще вот.

Он достал из кармана своей черной куртки значок космической разведки – золотая молния и серебряная восьмиконечная звезда в синем круге.

– Держите. Один, правда... Это мой.

Видя, что ребята медлят, Петр Владиславович засмеялся, взял руку Войко и вложил в нее значок. Потом повернулся и пошел, постукивая палкой и не оглядываясь.

– До свидания! – крикнул Войко и разжал кулак. Удивленно сказал: – Во да-а-а... А как...

– Как делить? – усмехнулся Денис. – Бери себе. Ты же будешь разведчиком...

Он видел, что Войко не находит душевных сил спорить. И улыбнулся – стало вдруг очень хорошо и тепло.

– Ладно, – сказал Войко. – Но тогда наш приз ты возьмешь!

– Возьму, – кивнул Денис. – Пошли еще мороженого съедим?

– Пошли, – Войко уже спрятал значок...

...Капитан Петр Владиславович Крапивин уходил по набережной.

Уже не капитан, отметил он спокойно. Покачал головой, думая о мальчишках – Войко и Денисе.

Успею, подумал он. Скульптуру сделать успею. Точно. Не могу не успеть. Я им должен. Они и сами не понимают, наверное, но я им должен.

Жаль, что...

«Успею», – оборвал он себя.

И перестал постукивать палкой, хотя в ноге росло проклятое онемение...

...Петр Владиславович Крапивин умрет от неизлечимой прогрессирующей лучевой болезни – памяти о внезапном ударе с Солнца, пришедшемся по «Рубину» в последней экспедиции – через двадцать семь дней.

Скульптуру «Ребята из нашего города», которую он закончит за день до смерти, поставят у древнего разводного моста, законсервированного, как памятник, – там, где уже начали разбивать большой городской парк.

Войко будет на похоронах. А Денис узнает об этом лишь из газет.

Глава 5

Поезд идет на юг

Денис проснулся посреди ночи.

Вагон раскачивало – нехорошо как-то, тяжело. Пожалуй, даже страшновато, с сильным креном влево-вправо. За окном была глубокая темнота. Как будто в батискафе, который погрузился на самое дно Нью-Йоркской впадины и исследует руины разрушенного и затонувшего города. Только с чего батискаф так качает? Денис представил себе огромного кальмара, схватившего аппарат щупальцами (он читал, что еще есть такие, архитойтисы называются) – и сам испугался, жутко стало смотреть в темноту. Он отвернулся от окна и только сейчас понял, что внизу горит свет – синеватый ночник – и слышатся негромкие голоса.

Отец и мама не спали.

Денис чуть высунул голову над краем полки.

Мама сидела, поджав ноги и прислонившись виском к вздрагивающей стене вагона, в углу, и смотрела, как Борис Игоревич разбирает на разостланном большом носовом платке пистолеты. Один – хорошо знакомый Денису табельный отцовский «Бердыш» – был уже весь разобран. Но на той же салфетке лежали еще аж два, и третий отец держал в руках, снимая затвор. Денис хорошо знал эти модели: на платке – восьмизарядные курносые «Байкалы-442», а в руке маленький «Байкал-441». Отдельно в ряд стояли поблескивающие золотом патрончики: девятимиллиметровые и шесть-тридцать пятые.

– А стоило ли? – спросила мама, явно продолжая начатый раньше разговор.

– Работа там и для тебя есть, – отец снял со ствола боевую пружину, посмотрел сквозь нее на жену. – Не беспокойся.

– Ты же знаешь, о чем я.

– У меня приказ.

– Я не о тебе. И даже не о себе. Я о Дениске. Тебе ведь предлагали его оставить.

– Он не имперский дворянин, чтобы в интернате воспитываться. Жирно будет.

«Новости, – обеспокоенно подумал Денис. – Ну, мамочка...»

Он прислушался – конечно, подслушивать нехорошо, но... в конце-то концов, тут дело касается его напрямую!

Борис Игоревич довольно долго молчал, даже пистолет бросил крутить. Потом тихо заговорил:

– Лера... Понимаешь, я ведь не просто так его с собой везу. Если хочешь знать – это жест политический.

– Политический? – сделала ударение на этом слове мама.

– А ты зря иронизируешь. – Борис Игоревич, кажется, рассердился. Денис тихонько поерзал на полке – разговор был интересным, даже очень. – Зря! Именно политический. Как ты не поймешь, Лер? Я как бы показываю: вот он, я – и мы ничего не боимся и это наша земля, раз уж семью с собой привожу! Да и ты сама много думала о своей безопасности, когда в семнадцать лет поехала на юга – с холерой бороться?

– Мне почти восемнадцать было, – поправила женщина, и Денис по голосу понял, что мама улыбается. – И потом, я сама за себя решала.

– Думаешь, Денис решил бы по-другому?

– Еще бы его спрашивать. Им дай делать, что они хотят, – так от подвигов не продыхнешь.

– Да, это есть... Да и потом – все не так страшно, как может показаться. Не посмеют нам ничего сделать... – Борис Игоревич помолчал и добавил: – Я скорей боюсь, что наш сын начудит. У него это хорошо получается, тут ты права.

Потом внизу стало тихо, и Денис услышал звук поцелуев. Осторожно перевел дух, медленно вытянулся на полке. Улыбнулся.

Он все понимал. И очень хотел, чтобы мама родила ему брата. И еще – знал, что это **невозможно**.

Там, на юге... в Крыму. В какой-то дикой деревне... где были холера и почти первобытные от ужаса и жизни вокруг люди, непохожие на людей. Там восемнадцатилетнюю Лерку Исаяеву – тогда еще не Третьякову – ударили вилами в пах. Ударил один из тех, кого она спасала от холеры.

Денис видел это иногда, как наяву. Как девчонка в защитной форме Медкорпуса с алым крестом на повязке хватается за вилы и падает под стену на пыльной кривой улице. Не выхватив пистолет. Не потому что не успела, а потому что она приехала **спасать**, а не убивать. Как разбегаются опомнившиеся люди. Как девчонка, которая станет его, Дениса, мамой, сдерживая стоны, ползет ближе к стене, садится, бинтуется... и сидит, глядя на лужу крови, к которой собираются мухи...

Когда в деревню влетел отряд местных драгун, первое, что попросила почти умершая фельдшер, было: «Не трогайте их. Они просто испугались. Они не виноваты...»

Когда Денис был помладше, он очень хотел как-нибудь найти того гада, который... Но прошло полтора десятилетия. Все там изменилось, и Крым уже давно не вечевая республика, а часть Империи... Денис подрос и понял, что это не будет мстью. Это будет просто убийством. Убийством человека, который, наверное, и сам уже сто раз себя наказал...

Когда мама рожала Дениса, она чуть не умерла во второй раз. И... и все.

Когда-то раньше в таких случаях детей брали из специальных организаций – приютов. Но таких уже давно нет.

И у Третьяковых есть **один** Денис.

Он уже снова спал, думая об этом...

* * *

Оказывается, долгая поездка на поезде – вещь довольно скучная.

Всего три дня назад Денис со сдержанным интересом рассматривал локомотив на Южном вокзале Петрограда. Это был не привычный ему паровоз, на каких он не раз ездил, а мощнейший электровоз марки «Россия ЭЛ-1» – обтекаемая машина, позволявшая буксировать сцепку из двадцати пассажирских вагонов со скоростью около ста километров в час без дозаправок или чего-то подобного. Сердцем электровоза был таинственный вихревой генератор – чудесная машина, изобретенная еще до Третьей мировой, фактически вечный двигатель. Производство таких было ограничено нехваткой необходимых материалов, которую испытывала не только Империя, но и вся Земля. Экипаж локомотива – четыре человека в темно-синей с золотом форме гражданского Инженерного корпуса, облокотившись о перила, смотрели сверху на пассажиров и здание вокзала с легким чувством превосходства. Их можно было понять – они соединяли мир там, где еще не протянулись стройные мачты опор струнных дорог Юницкого. А это не везде было возможно пока... Вот и до Семиречья они пока что не дотянулись.

Правда, на этот раз сцепка составляла всего двенадцать вагонов, из них четыре – багажные. Рейс Петроград – Владивосток шел на юг в обход Уральского хребта, через джунгли хребта Голодный, берегом моря Балхаш и дальше насквозь через леса Южной Сибири до конечного пункта. Среди пассажиров большинство составляли такие же, как Третьяковы, командированные на долгие сроки. И вещей они с собой везли немало.

Денис здорово взгрустнул, когда на дверь их петроградского дома повесили табличку: «**ДЛИТЕЛЬНЫЙ ОТЪЕЗД. ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ**». Дом тоже выглядел грустным – все окна забраны изнутри и снаружи щитами, в комнатах все зачехлено, отключены все

системы. Мальчишке даже совсем расхотелось уезжать. Войко – он пришел с утра и помогал грузиться, молча, хотя Денис порывался заговаривать, – смотрел понимающе, и Денис почти уже решил взмолиться, чтобы его оставили у Караджичей. Почему-то мальчишка был уверен – отец и мать согласятся, стоит ему лишь попросить.

Но он перетерпел секундную слабость. А потом на улице появилась целая делегация.

Отца и мать никто не провожал. Друзья, начальство – все они побывали у них вчера, на небольшой вечеринке – и все. А Денис вроде бы со всеми попрощался в отряде еще днем, предупредил, что никакая помощь не нужна и проводов не нужно тоже. И совершенно не ожидал появления почти десятка человек – из их с Войко отряда и из отряда имени Лени Тарьянен. Причем, судя по лицам, настроены все были серьезно.

– Чего пришли? – угрюмо сказал Денис, спускаясь с крыльца и чувствуя, как возвращается желание остаться – не такое сильное, как раньше, но явственное.

– Слушай, – решительно сказала Инга Брондукова, протягивая большой тяжелый пакет. Лицо у нее было суровое и решительное. – Вот тут номера «Пионера» и «Костра», последние – по три штуки. Восемь Уставов. И пленка с нашим фильмом – ну, ты помнишь, про «Кивач». Возьмешь с собой?

– Конечно, – кивнул Денис. Он не представлял себе, зачем это ему может понадобиться, но правда хотел взять все это с собой. Не так уж тяжело это, а...

Что «а» – он и сам не очень понимал. Делегация сдержанно сопела. Больше всего Денис боялся, что сейчас кто-нибудь что-нибудь ляпнет про наше знамя и про благородную миссию. Станется еще... Но все промолчали, и Денис вдруг искренне сказал то, что чувствовал:

– Спасибо, ребята, девчонки. Я постараюсь...

Он снова не договорил, что он «постарается»-то?..

...Войко провожал его на вокзал. Они ехали в кузове грузового «Лося» и молчали. В голове у Дениса кипела сумятица мыслей – ну же, ну же, надо что-то сказать, что-то самое. Самое... самое... Ведь он сейчас уедет, насовсем же уедет!!! Но Денис с ужасом понимал, что сказать нечего.

Войко тоже молчал. Глядел по сторонам и молчал. И когда помогали грузить вещи в багажный вагон – молчал. И на перроне, когда Денис отвлекся от печальных мыслей и стал разглядывать ЭЛ-1 – молчал. И только когда послышался низкий гудок сирены – минута до отправления, всем занять свои места – Войко посмотрел в лицо Денису почерневшими синими глазами и сказал:

– Знаешь, я тогда сразу понял – вот друг на всю жизнь.

– На мосту? – спросил Денис и охрип. Войко кивнул. – Я сразу адрес пришлю. Как только приедем. И на каникулы приеду.

– Конечно, – сказал Войко. Мальчишки несколько секунд разглядывали друг друга в упор, потом крепко обнялись и расцеловались. – Иди, – попросил Войко. – Не оглядывайся. Я тоже сразу уйду и не оглянусь. Все будет хорошо. Будь готов.

– Всегда готов, – прошептал Денис, повернулся и забрался в вагон.

Он не оглянулся. И знал, что Войко не оглянулся тоже. Это было тяжело. Но легче, чем долгое прощание...

...Это было три дня назад. А сегодня поезд пересекал границу Семиречья... ого, через двадцать минут!

Лежа на полке, Денис сонными глазами смотрел на наручные часы. И только через какое-то время понял, что из динамика в коридоре раздается песенка про с добрым утром и еще что-то. И что правда пора вставать. И еще – что в купе никого нет.

Мальчишка соскочил со второй полки на мягкий коврик. Потянулся, потом несколько раз подтянулся на скобе для одежды. В четвертый раз скоба предупреждающе хрустнула, и Денис, приземлившись на ноги, с опаской на нее посмотрел. Потрогал – вроде держится. Маль-

чишка вздохнул, пожал плечами и, откинув умывальник от стены, занялся туалетом. Потом стал одеваться, невольно подпевая динамику в коридоре.

Уделять много внимания своей внешности в среде пионеров Петрограда считалось дурным тоном. Таких называли непонятным, но обидным словом «кутюрье» – кажется, из французского языка. Правила хорошего тона требовали, чтобы в одежде наличествовала некоторая небрежность, как бы подчеркивающая устраненность хозяина от мелких бытовых проблем.

Но форма – это не одежда. Кроме того, в какой-то степени, размышлял Денис, причесываясь перед зеркалом, он не просто приезжий, а, как точно сказали, «посол доброй воли». А послу не пристало выглядеть перекошенным.

Защитного цвета рубашка, забранная в синие шорты. Широкий ремень, на котором висит пионерский нож в чехле. Португепя с набедренной сумкой. Алый галстук с трехцветным эмалевым зажимом. Защитные гетры. И высокие коричневые ботинки – легкие и плотно облегающие ногу. Синий берет с кокардой – под левый погон.

Денис еще раз собирался осмотреть свое отражение, когда услышал голос отца:

– Хорош.

Чувствуя, что краснеет стремительно и неудержимо, мальчишка повернулся. Но отец был серьезен и официален, в бутылочного цвета мундире ОБХСС, даже с пистолетом в кобуре на поясе. Денис мгновенно вспомнил про пистолеты, которые видел ночью, хотел было задать вопрос, но в дверях, оттеснив отца, появилась мама – елочки зеленые, тоже в парадной форме, бело-алой.

– Идут, – объявила она. И Денис сообразил, что поезд уже стоит. – Вот ведь... – Валерия Владимовна неловко улыбнулась. – Знаю же, что ничего противозаконного не делаю, а все равно... – она хмуро уселась к окну.

Денис не понял, что она имела в виду, но тоже сел ближе к окну, а отец, чему-то усмехаясь, устроился у дверей, поставив рядом свой портфель, на который Денис покосился неодобрительно, как только мог.

За окном был лес. Точнее – лес и угол какого-то белого здания. И все. Ни людей, ни надписей, ни знаков каких-то – ни даже просто ветра, листья могучих лип были неподвижны. А по коридору приближались с двух концов сухие деловитые голоса. Денис уже даже различал повторяющиеся одни и те же вопросы – цель приезда, предметы, запрещенные к ввозу и вывозу... Глупость. Он невольно скривился. Нет, чем скорей закончится эта ерунда с границами поперек одного народа...

– Что кривишься? – поинтересовался отец. И подмигнул.

Денис ответил подмигиваньем – и в открытых дверях купе появились двое.

– Поручик Дягилев, пограничные войска Русской Империи.

– Хорунжий Мигачев, погранстража Семиреченской Республики.

Пока отец передавал документы и отвечал на дежурные вопросы, Денис разглядывал первого человека Семиречья... и испытал легкое разочарование.

Правда, рядом с простой табачно-зеленой формой и ярко-зеленой фуражкой имперского пограничника семиреченец казался ярким и нарядным: фуражка с синим верхом и желтым околышем, синий френч, синие штаны с алым лампасом, начищенные сапоги... На плече висел стволом вниз короткий «АК-74» со сложенным рамочным прикладом, а не «сотка», как у имперца. Но в остальном – человек как человек, с загорелым лицом, лет тридцати, усы – щеткой. Выглядел семиреченец устало, но Денису вдруг улыбнулся и спросил:

– Пионер?

– Пионер, – немного вызывающе ответил Денис.

Хорунжий козырнул, потом еще раз – отцу и сказал:

– Хорошо поработать у нас.

– Спасибо, – кивнул Третьяков-старший. И обернулся к жене, едва пограничники вышли:
– Вот и все. Мы в Семиречье.

– Незаметно, – осторожно сказал Денис.

Борис Игоревич поднял брови:

– А ты чего ожидал? Оркестра – или, наоборот, протестной демонстрации? Ну, извини...

– Даже про оружие не спросили, – напомнил Денис.

Борис Игоревич хмыкнул:

– Мил друг, да ты что думаешь, они не знают, кто мы? Это так. Чтобы не зря хлеб есть. Может, еще отпечатки пальцев надо было снять – вдруг мы не мы, а надевшие наши личины вражеские агенты?

– А что, так не бывает? – уточнил мальчишка.

– Так – нет, – подвел черту Третьяков-старший. – Ибо дураки вымерли как вид в начале Безвременья. Кстати, – он запустил руку в портфель, достал и передал Денису, держа за ствол, 442-й «Байкал», потом – два магазина, уже снаряженных патронами. – Твое имущество.

Стараясь ничего не показывать, небрежным движением бывалого человека Денис зарядил пистолет, передернул затвор, поставил на предохранитель, убрал со второй обоймой в набедренную сумку. Все это время он косился на мать, но Валерия Вадимовна разложила на своем краю стола какие-то бумаги и на оружие посмотрела лишь мельком. Впрочем, у нее на ремне тоже висел 442-й «Байкал» в белой кобуре. А 441-й, надо полагать, у отца под формой...

Отец между тем уже разложил на столе свой бумажник. Денис с интересом сунулся ближе. Оказалось, что отец обналичил где-то выданный ему аккредитив – и мальчишка с еще большим интересом, чем форму семиреченца, рассматривал здешние деньги.

Деньги тут тоже назывались рублями – копеек и вообще металлических монет не было. Но здешние рубли здорово отличались от привычных Денису имперских. Во-первых, они были квадратные и большие, а не прямоугольные и всего с ладонь (и это был как раз минус – Денис недавно обзавелся бумажником, очень им гордился, а теперь получалось, что купюры не поместятся там). А во-вторых – были куда красочнее имперских рублей, выдержанных в сумрачной сине-вишневой гамме, со строгим геометрическим орнаментом, стилизованными «под кириллицу» цифрами и надписями и хмуро-медальными фасадами Петра I, Екатерины II, Жукова, Пушкина, Ломоносова, Столыпина... Здешние рубли были разноцветные, как калейдоскоп: ярко-желтые, огненно-красные, густо-синие, да еще и в переливчатых разноцветных разводах и пятнах, вместо портретов – красивые сочные пейзажи, имевшие стереоскопическую глубину. Смешали цифры – ни одной бумажки ниже ста рублей, были по миллиону и по сто миллионов!!!

– Рассматриваешь? – спросил Борис Игоревич, присаживаясь рядом с сыном. – Не удивляйся.

Это вот, – он тронул «миллион», – всего лишь один «жук»⁶. Средняя зарплата здесь.

⁶ На денежных купюрах Русской Империи еще с середины Серых Войн (до этого деньгами служили «чеки» – расчетные обязательства РА) изображены: 1 рубль – мужчина, женщина, два мальчика и девочка (как символ русской семьи); 3 рубля – А.С. Пушкин; 5 рублей – предприниматель Демидов, основатель династии; 10 рублей – М.В. Ломоносов; 25 рублей – П.А. Столыпин; 50 рублей – Г.К. Жуков; 100 рублей – Екатерина II; 200 рублей – Александр II; 500 рублей – Петр I; 1000 рублей – Птица Рух и Хадарнави (персонажи арийской мифологии, известные в наше время как «двуглавый орел» и «Георгий Победоносец»). Соответственно, русский народ, склонный к неизлечимой самоиронии, окрестил купюры (по порядку): «пикничок», «Саша», «Дема», «нос», «Аркашка», «жук», «Катя», «Шура», «Петя» и «штука». Купюры в 1000 рублей используются, как правило, в расчетах между структурами (не людьми) внутри страны и для международных расчетов. Сама денежная система Империи жестко привязана к золотому стандарту и не подвержена инфляции. Монеты – медные копейка, две, три и пять копеек – помечены Хадарнави, алюминиевые десять, пятнадцать, двадцать и пятьдесят копеек – Птицей Рух. Рублевая алюминиевая монета помечена профилем князя Святослава Отважного. Помимо этого, как раз в описываемый период стал выпускаться золотой червонец – средство денежного накопления, международных расчетов и знак престижа Империи. Он котировался на 30 % выше номинала (официально равен 10 рублям или 20 граммам чистого золота) и был помечен Птицей Рух.

– Мало, – пробормотал Денис. Отец получал жалованье двести двадцать имперских рублей, мать – сто семьдесят.

Считалось, что это очень много. Большинство родителей Денисовых одноклассников получали сто – сто пятьдесят рублей и жили вполне в достатке.

– Мало, – подтвердил отец. – Средняя зарплата для тех, у кого есть работа.

– А почему нет мелочи, пап? – Денис посмотрел на просвет одну из купюр.

– А потому что нет смысла ее штамповать при таких числах. Тем более что металлы у них дороги. А так привыкай, нам долго такими пользоваться.

– Мы теперь миллионеры, – уныло сказала мама, поднимая голову от своих бумаг. – Всю жизнь мечтала сорить миллионами.

– А что, – охотно подтвердил Борис Игоревич, обнимая жену за плечи, – тут на базарах даже песенку такую поют... – Он прокашлялся и дурашливо пропел:

– Кого бы осчастливить миллионом?!

Купить коробку спичек иль пару папирос...

И еще:

– Да здравствует страна миллионеров,

Где временные беды переживаем мы...

Дай бог нам до начала новой эры

Не сдохнуть от холеры или еще какой чумы...

Преувеличено, конечно, но, по-моему, отличная песня.

– Отличная, – охотно согласился Денис, – если ты мотив не перебрал.

– Никакого почтения к отцу... – Борис Игоревич щелкнул сына по уху и снова взял одну из купюр. – Д-да-а, защита очень неплохая. И все-таки подделывают.

– Подделывают деньги? – недоверчиво спросил Денис.

Отец кивнул. Потом посмотрел в окно и сказал:

– А на твоём месте, сын, я бы пошел в коридор и посмотрел. Там скоро будет примечательное зрелище – море Балхаш.

* * *

Море, скользящее за окнами поезда, казалось бесконечным и завораживающим в своей однообразности. На его поверхности не было ничего – ни кораблей, ни лодок – кроме мелкой ровной ряби, да еще где-то вдаль порой смутно угадывались очертания островов. Или, может, это были просто тучи над горизонтом?

Тем не менее Денис смотрел на море достаточно благосклонно. Может быть, потому что оно напоминало ему Балтику.

– Впечатляет, не так ли?

Мальчишка излишне резко повернулся на прозвучавший рядом густой бас. И столкнулся взглядом с глазами, глядящими на него из зарослей рыжих с проседью волос, казавшихся сплошной массой – борода-усы-шевелюра... Впрочем, серые глаза глядели вполне благосклонно, и Денис кивнул:

– Да, – а затем присмотрелся к их обладателю.

Грузный высокий мужчина лет сорока подошел, тем не менее, совершенно бесшумно и теперь стоял у соседнего окна, так же, как и сам Денис, облокотясь о перильца. Он был одет в серый костюм-тройку – такие Денис видел только в кино и на картинках – и обут в

зеркально сверкающие туфли с тупыми квадратными носами; по солидному пузцу пролегал золотая цепочка карманных часов.

– Меня тоже, – сообщил сосед. – Сколько раз проезжаю вдоль этих берегов – каждый раз восхищаюсь и ужасаюсь.

– Почему ужасаетесь? – полюбопытствовал Денис.

Рыжебородый повел рукой:

– По площади – половина территории Европы. Там, под водой – города Талды-Курган, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Урумчи... весь восточный Тянь-Шань, самые высокие пики которого стали островами... пустыня Такла-Макан с древним Кашгаром... А там, где были пески Бетпак-Дала и Муюнкума – горы Голодные и субтропические леса... И это произошло по вине человека... – Он с непонятной строгостью взглянул на замороженного его речью – какой-то распевной и плавной – Дениса и улыбнулся: – Лет сорок назад, когда я был помладше тебя, то нырял к развалинам поселков...

– У вас была экспедиция? – Денис с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

Рыжебородый неожиданно спросил:

– Ты из Империи? – И, ничего не пояснив, покачал головой: – Нет, не экспедиция. Просто многое из найденного там, на дне, можно было продать за хорошие деньги. За относительно хорошие, конечно – человек, которому мы сдавали найденное, получал за это в десять раз больше. Но все-таки и это было подспорьем. И неплохим... – Он улыбнулся уже каким-то своим мыслям и тряхнул головой: – Да, неплохим.

– Я тоже так делал. В смысле – искал старые вещи. Но просто потому, что интересно искать, – сказал Денис доверительно. И спохватился: – Сорок лет назад тут же еще война была?!

– Да и позже... и сейчас не очень-то спокойно, – подтвердил рыжий. – А ты что, один едешь?

– Нет, с родителями, – Денис кивнул на приоткрытую дверь купе. Отец не делал секрета из поездки, и Денис продолжал: – Отца перевели в Семиречье. По просьбе президента. Их. В смысле, вашего.

– Он строитель?

– Он офицер ОБХСС, будет бороться с капиталистами, – гордо ответил Денис.

– Бороться с капиталистами? – рыжий широко улыбнулся, зубы у него были отличные, только один клык сломан пополам. – Неплохо... Тогда позволь представиться, – он протянул широкую короткопалую руку. – Смаль Игорь Иванович. Владелец строительной компании «Обслуга» и серии магазинов стройматериалов «2И + С». Самый настоящий капиталист, и не из мелких.

– Капиталист? – Денис обалдело уставился на мужчину, забыв представиться.

А тот явно забавлялся недоумением мальчишки и продолжал:

– Капиталист и большой почитатель вашей Империи.

– П-почему? – выдавил Денис.

Игорь Иванович вздохнул:

– Трудно объяснить... Самым простым объяснением будет вот какое: я не сырьевик, я производитель. А насколько мне известно, по вашим законам, преступлением считается частный сырьевой бизнес на полезных ископаемых или перепродажа не тобой произведенных товаров. Понимаешь?

Денис кивнул, он действительно понимал, о чем речь.

– Ну, вот. Это первое. А второе – там, где Империя – там сплошные стройки. Где стройки – там мой товар... Хотя... – он смерил Дениса взглядом. – Твоему отцу будет нелегко. Вот около этого моря кормятся не меньше десятка фирм-перекупщиков. Оно снабжает рыбой не только нашу республику, но и пограничные районы Империи. Так вот: в переводе на ваши цены при вылове килограмм окуня стоит сорок семь копеек...

– Ну и у нас столько же, – пожал плечами Денис. – В смысле, не окунь, окунь дороже, кажется, а вот селедка даже сорок три...

– Не перебивай, – прервал его головой рыжий. – А до покупателей окунь доходит по рублю двадцать за килограмм. Представляешь, какие деньги на этом делаются?

– И следовательно, это нужно принять как данность, и ничего нельзя изменить – даже учитывая, что тридцать процентов ваших детей недоедают, а сорок процентов населения живет ниже далеко не шикарного прожиточного минимума?

Денис с досадой вздохнул – он не заметил, как подошел отец.

– Третьяков Борис Игоревич, – представился офицер, становясь рядом с сыном и кладя ему руку на плечо. – Капитан ОБХСС, как уже успел сообщить мой сын, которого, кстати, зовут Денис.

– Смаль Игорь Иванович, – рыжеволосый рассматривал отца.

– Я слышал... Так как с этим, господин капиталист? – Голос отца был не неприязненным, но насмешливым.

Смаль какое-то время молчал. Потом сказал:

– Вы уже почти сорок лет строите новое общество. Небезуспешно, надо признать. Вы смогли победить организованную преступность в стране и разгромить бандитские «государства» за ее пределами. Смогли выйти в космос. И тем не менее ваша служба все еще существует и не бездействует. Так, может быть, то, что вы считаете преступлением, в природе человека? Кто-то стремится в космос, а кто-то – в собственную виллу с мраморной лестницей. И можно лишь уменьшить причиняемое этим зло... – Он помедлил. – На моих предприятиях работают восемь тысяч человек. У всех есть семьи. Я трачу большие деньги на бесплатное образование, лечение, отдых, досуг тех, кто дорог моим рабочим.

– Фирма «Энергия» добывает в горах хребта Голодный дешевые трансураниевые элементы, – сказал Борис Игоревич, и Денис удивленно посмотрел на отца: голос того стал странным. – Более дешевые – пока более дешевые, – чем Империя добывает на Венере. Год назад совет директоров «Энергии» предложил Его Величеству контракт. Очень выгодный контракт. На тридцать процентов более дешевое сырье, чем привозят наши корабли. Его Величество мог согласиться, и по крайней мере, в большие города свет подавали бы круглосуточно. Но Император отказался. Он вообще объявил представителям «Энергии» запрет появляться в Империи. Потому что в шахтах фирмы...

– Я знаю, – поморщился Смаль.

– Вот именно – знаете, – жестко сказал Третьяков. – Знаете, что туда вербуют детей из нищих семей. Платят им сдельно за добытое сырье. По системе «давай-давай». И через год умирает две трети, а треть возвращается домой искалеченными лучевкой и тратит заработанное на то, чтобы протянуть еще года три. Знаете, что пять лет назад наш «Точмаш» предложил «Энергии» скафандры высшей защиты. Мы готовы были сделать их... **нужного размера**. Но это оказалось слишком дорого. Слишком дорого, – повторил Третьяков и бессознательным жестом погладил волосы сына. Денис замер. – И еще вы знаете, куда уходит значительная часть добытого – в район Золотого Треугольника! – отец почти выкрикнул это. – Туда, где кучка ненормальных тшится вернуть прошлое и отравить вот его! – он тряхнул Дениса за плечо. – Его отравить своим ядом! А ваши деловые люди снабжают их энергией! Их, а не нас, потому что там все понятно: ты мне, я тебе! Вы правы, мы уже много лет строим нового человека. И поверьте – у нашего человека хватит сил разрубить тот узел проблем, который кажется вам неразрешимым... – отец улыбнулся. – Извините, Игорь Иванович. Я сорвался. Просто...

– Я понимаю... – кивнул Смаль. – Я вот рассказывал вашему мальчику... про свое детство. Почти каждую неделю кто-то из нас тонул. Захлебывался. Я... я знаю, что это такое, о чем вы говорите. Но мы бессильны, – лицо Смалья стало горьким. – Мы в самом деле бессильны.

Если у вас получится – в добрый путь. Но... – он безнадежно покачал головой опять и вздохнул. – И тем не менее я рад знакомству. И всегда готов помочь – в любой момент по мере сил.

– Вы можете помочь прямо сейчас, – предложил Третьяков. – Время завтрака. Давайте пройдем в вагон-ресторан и поговорим за едой.

– С удовольствием, – в голосе Игоря Ивановича прозвучало облегчение. – Но... вы едете с женой и сыном. Могу ли я пригласить и их?..

– Никого не надо приглашать, Игорь Иванович, – улыбнулся Третьяков-старший. – Мы идем есть. Вы – есть. И мы – есть. А не угощать друг друга, чтобы потом говорить о полезных связях. Ведь так?

Смаль несколько секунд смотрел в лицо офицеру. Потом кивнул:

– Ну что ж. Значит, так. А кормят в ваших поездах вкусно.

* * *

Вообще-то странный капиталист был прав. Кормили и правда вкусно, но... но, если честно, Денис не знал, что ему делать – есть или вслушиваться в разговор отца и Смалья.

– Никакой войны не будет, – Третьяков-старший легонько постукивал ножом по краю тарелки. – На их стороне окажутся только наемники. А наемники не смогут противостоять нам.

– Воевать можно по-разному, – задумчиво возразил Смаль. – И потом – большинство людей слабы и не уверены в себе. Когда вы станете отнимать у нынешних хозяев их добро... – Борис Игоревич покривился, Смаль засмеялся: – Станете-станете, без этого не обойдется! Так вот, люди решат, что вы просто хотите занять место этих самых хозяев. И вряд ли захотят менять знакомое зло на незнакомое. Знаете, как у Шекспира – мириться лучше со знакомым злом...

– Я читал «Гамлета», – резковато ответил Третьяков.

– А, извините... Так вот. Не захотят просто из страха потерять то, что все-таки имеют. А если вы поставите на тех, у кого нет вообще ничего – они примутся первым делом примитивно грабить и вас же опорочат. И вас, и идею.

Третьяков-старший довольно долго молчал. Молчал и Смаль – не с превосходством, а скорей сочувственно, как человек, приведший неотразимый аргумент и теперь жалеющий оппонента.

– Вы исходите из нехитрого постулата, кажущегося вам аксиомой, – медленно заговорил офицер ОБХСС, – что каждый человек больше всего в жизни хочет урвать себе жирный кусок. Но и у вас таковы не все. Даже не большинство, иначе Бахурев не пришел бы к власти. Мы помним, как мужественно сражалось ваше казачество в Серых Войнах... да и сейчас. И мы о вас куда лучшего мнения, чем вы сами о себе.

Смаль посмотрел удивленно. Поморгал. Нерешительно улыбнулся и пожал плечами:

– Ну, хорошо, ладно... Но вы зря везете семью. Вашего предшественника снайпер застрелил у дверей дома. Прямо у входа.

– Я знаю, – кивнул Третьяков-старший. – Но еще я знаю, что до этого ваши местные хозяйчики просто распорядились налоговой полицией, открыто говорили, что ей делать и куда не соваться. А убийство исподтишка – уже прогресс. В мирное время так убивают те, кто боится. Я заставлю их бояться еще больше. Если не хватит сил у меня – мой преемник покончит с ними навсегда.

– Да, с такой убежденностью можно рассчитывать на успех... – задумчиво согласился Смаль. – Но жена и сын...

– Оставьте. Жена – офицер гражданского медицинского корпуса. Сын – пионер и член совета отряда... Поймите, Игорь Иванович, – неожиданно горячо добавил он, – мы с вами одной крови. И мы не дадим вам сгнить за здорово живешь. Вам же известен опыт Желторос-

сии – там все было куда как хуже вашего! Ну и где же «всемогущая и бессмертная триада»?! Кто не застрелен и не повешен «витязями» – шестерит на побегушках в том же «треугольнике». А на месте их дворцов – детские сады, школы и Дворцы Пионеров. А как англосаксы разделились с Империей Картелей на берегах Венесуэльского залива? Не спасли ни джунгли, ни целая наемная армия с танками и самолетами!

Денис аккуратно отрезал вилкой кусочек зразы, но есть его не стал. Вместо этого мальчишка поднял на Смаля глаза и спросил в упор:

– Почему вы боитесь надеяться?

На мальчишку обернулись все трое – мать, отец, Игорь Иванович. Непонятными глазами посмотрели. Денис почему-то оробел, но и рассердился. Немного. И повторил вопрос – с вызовом, громче, так, что обернулись и несколько человек за соседними столиками:

– Почему боитесь надеяться? – И, смешавшись, уже тихо сказал: – Извините.

Смаль помолчал, играя ножом. Положил его на тарелку. Кажется, надеялся, что Третьяковы-старшие снова заговорят. Но они молчали, только в глазах у отца Денис читал немного насмешливый и немного печальный вопрос – тот же самый. И Игорь Иванович сказал так же тихо, как извинялся Денис:

– Понимаешь... это страшнее всего. Когда начнешь надеяться и...

Он не договорил и снова начал есть. Потом вдруг положил прибор, скомканно извинился – еще более смущенно, чем Денис – и вышел.

– Несчастный человек, – тихо сказала Валерия Вадимовна и покачала головой. – Не может позволить себе надежды...

– Но почему?! – недоуменно и звонко спросил Денис.

Он правда не понимал!

– Не понимаешь? – спросил отец, чуть шевельнув ртом.

И неожиданно добавил весело:

– Ну и хорошо, что не понимаешь, сын!

Глава 6

Верный

Море Балхаш по-прежнему тянулось за окнами слева. Справа были леса, из которых время от времени, но все чаще и чаще высывали свои бока какие-то поселки. При той скорости, с которой двигался поезд, рассмотреть ничего толком не удавалось, но вроде бы умирающие от истощения люди нигде не валялись и манифестации не появлялись в пределах видимости. Зелень была намного гуще и как-то ярче привычной Денису, но это он и раньше заметил...

Вообще-то на море, да и на лес Денис мог смотреть бесконечно. Но надо когда-то и впечатления записывать... Тем более что купленные им приложения к «Блокноту пионера» требовали заполнения. А писем ждали и Войко, и в отрядах.

Устроившись за столиком в купе, Денис почти час добросовестно заполнял желто-серые листы при помощи новенькой, запроваженной до отказа ручки. Правда, как он честно сказал сам себе, перечитывая написанное, вышел не столько отчет о четырех днях пути, сколько какая-то гнилая философия. Ну, ладно. Пусть пока так.

Он уже собирался добавить еще кое-что по поводу капиталистов, когда из коридора позвала мама:

– Дениска, иди скорее, где ты?!

Голос у нее был веселым и нетерпеливым. Мальчишка, поспешно закрыв ручку колпачком, выскочил из купе.

К окнам высыпали почти все обитатели вагона – так что Денис даже заопасался: а вот перекинемся?! Тем более... ой мамАААА! Было куда!

В полном восторге, смешанном с опасением, Денис втиснулся между родителями и не запротестовал даже, когда мама обняла его за плечи. А Третьяков-старший сказал тихо:

– Большой Каскад. Отсюда вся энергия республики... – И не удержался: – И поэтому они так лихо торгуют редкоземельными.

– Боря, помолчи, – попросила Валерия Вадимовна.

Денис ошалело моргал. Он был в поезде – маленький по сравнению с этим поездом. Но... но и этот огромный поезд казался крохотной гусеницей на стене бетонного дома по сравнению с...

Рейсовик с бешеной скоростью мчался по идущему над пропастью высотой в сотню метров... нет, больше!.. пандусу, который поддерживали ряды колонн. Слева – откуда-то сверху – рушились колоссальные массы белой от пены воды – рушились медленно и (слава звукоизоляции) бесшумно, пропадая внизу. А справа и ниже – в зелени и синей дымке – лежал город.

– Вот он, наш Верный, – сказал кто-то дальше по коридору. Женский голос ответил:

– Какая красота... Но если прорвет эту плотину?!

Денис усилием воли заставил себя посмотреть вниз, насколько позволяло окно. Там, внизу, был белый пар и шевелящаяся тьма. И вертолет, летевший **ниже** поезда, а еще – несколько белых с алым домиков на каком-то уступе. У мальчишки заперло дух, но в то же время ему захотелось орать от восторга.

– Па, кто построил эту плотину? – спросил он отца, высвобождаясь от маминой руки.

Борис Игоревич ответил:

– Когда-то тут был лавиноотбойник, – он кивнул чуть в сторону от трассы движения поезда. – Во-он в той стороне знаменитое Медео... Так вот. А потом, когда появилось море, строили дамбы, кое-как отгораживались... А двадцать семь лет назад отгрохали вот это. Феодалными методами, чуть ли не голыми руками. Если бы мы не помогли – были бы вторые пирамиды по количеству погибших.

– Но впечатляет, – заметил сосед справа, молодой инженер в новенькой форме. – Я еду сюда работать... Лёвшин Антон... – он чуть замялся, – ...Станиславович.

Третьяковы представились. Мужчины заговорили про энергетику, Валерия Вадимовна то и дело вставляла замечания про заболоченность и эпидемии. Послушать это было интересно, да... но Денис ринулся в купе – записывать впечатления... а лучше сначала скорее достать и наладить фотик.

Однако сделать ему не позволили ни того, ни другого. Выяснилось, что «уже приехали» и «надо собираться». Правда, фотоаппарат Денис все-таки достал и повесил на сумку, чтобы был под рукой.

Поезд замедлял ход; уже сделали объявление, что прибываем в столицу – так и сказали, «столицу», и Денис про себя хмыкнул. Кто там, на объявлениях, сидит? Какая это столица? Для него столица – Великий Новгород. Конечно, надо честно сказать, Верный намного больше, если вот так глядеть. Зато столица Империи красивей. А уж саму-то Империю сравнивать с Семиречьем... Мальчишка хмыкнул уже вслух, и мама поинтересовалась:

– Ты чего, мыслями подавился?

Денис ничего не ответил. Они как раз начали вытаскивать чемоданы...

...На перроне давила влажная духотища. Небо скрывали плотные серые облака, бегущие и изменчивые, хотя тут, внизу, царило безветрие. Изогнувшееся буквой «С» здание венчали огромные алые буквы – «ВЕРНЫЙ» – и еще какие-то надписи, плакаты, всякая всячина... Народу было полно уже на перроне, самого разного. Прямо вдоль стены Денис с изумлением увидел каких-то одетых в рвань людей, в том числе – стариков, детей! – которые попрошайничали. Кто вслух, кто протягивая плакаты с безграмотными надписями. Моргая изумленно, мальчишка протянул было руку за фотоаппаратом, но потом передумал. Скользнул взглядом по сидящей на корточках невероятно грязной девочке лет восьми-деяти, одетой только в рваные трусики неопределенного цвета. Посмотрел на отца:

– Па...

– Что? – отец осматривался. – Ах, это... Нет, сын. Деньги, которые ты им дашь, все равно пойдут не им, а их хозяевам. Тут не листики обрывать надо, а под корень рубить...

– Хозяевам?! – Денис поперхнулся, провожая взглядом нескольких девушек, одетых с вызывающим неприятным шиком – они, громко пересмеиваясь и перебрасываясь каким-то репликами, прошли мимо, тоже явно кого-то высматривая. Но тут внимание мальчишки было отвлечено чьим-то голосом:

– Извините, вы – Третьяковы?..

...Человек, встречавший Третьяковых на перроне, Дениса немного удивил.

Во-первых, он сперва показался Денису совсем мальчишкой – ну, не мальчишкой, но очень молодым мужчиной, намного младше отца – высокий, но тонкий, стройный, что особенно подчеркивалось черной водолазкой, приталенным черным пиджаком и узкими брюками – в такую жару! Кроме того, был он смуглый, черноволосый и неожиданно синеглазый, чем напомнил мальчишке отца Войко. Во-вторых, он возник словно бы из ниоткуда, хотя и одеждой, и манерой поведения был очень заметен.

– Очень рад вас видеть, – черноволосый, широко улыбаясь, потряс отцу руку, наклонился к руке матери, выпрямился, тряхнул руку Дениса. – Позвольте представиться, товарищи, – Муромцев Виктор Анатольевич, полномочный представитель Его Величества в Семиреченской Республике... – Денис хлопнул глазами: это значило, что смуглый – дворянин. А тот продолжал: – Ну, пойдете к моему экипажу, недельку поживете у нас, освоитесь, а потом – и на место службы, так сказать. О вещах не беспокойтесь, наши люди их выгрузят, погрузят и доставят. Они знают, куда.

Нет, он был не молодой, постарше Третьякова-старшего. Это становилось видно по глазам. Прежде чем Денис успел поднять мамин чемодан, Виктор Анатольевич сделал это сам и

зашагал впереди к выходу в город. Очевидно, отец знал о встречающем, потому что спросил только:

– Едем, как договаривались, Виктор Анатольевич?

– Конечно, – кивнул Муромцев. – Нас ждут уже... Вот сюда, через вокзал.

В самом здании было прохладно и даже, пожалуй, красиво, но тоже многолюдно и очень шумно, на взгляд Дениса. Это был не деловой и не веселый шум, а какой-то торопливо-истеричный, как будто все разом боялись, что идущий рядом человек займет какое-то очень важное место, а остальным уже не достанется. Впрочем, Муромцев шел через этот шум совершенно невозмутимо, и перед ним все расступались. И на большой площади за вокзалом, где почти ко всем приезжающим бросались самые разные люди, к нему и его подопечным никто не сунулся; Денис услышал краем уха, как один загорелый мальчишка с каким-то ящиком на бедре бросил своему младшему напарнику: «Ты че это, витязь, в приют захотел?!» – и тот, сделав огромные, по-настоящему испуганные глаза, растаял в сутолоке.

– Вот такие басни о нас тут и распускают, – неожиданно сказал Муромцев. – «В приют». Можно подумать, я его за руку потащу... Хотя это вопрос, между прочим, где лучше – толкаться по двенадцать часов в сутки тут или жить в нашем приюте... Везешь – ревут, убегают. А поживут неделю – и все, не выгонишь. Ну, вот и экипаж. Прошу.

«Экипаж» оказался длинными широкими посольскими «Жигулями» с газогенератором. Высокий мужчина с бесстрастным лицом, одетый в форму охранного корпуса дипмиссий, предупредительно распахнул заднюю дверцу перед Третьяковыми, погрузил багаж.

Муромцев сел на переднее сиденье справа. Денис поместился у окна сбоку от отца – и с огромным любопытством огляделся. Он ездил из легковых машин только в отцовском служебном «Волке» и отметил, что «Жигули» и правда как на картинке – большой мягкий салон, диван, обтянутый черной кожей, включившийся кондиционер... ой, оказывается, они уже едут. Над капотом автомобиля невесть откуда взялся имперский флажок.

– Везти в сеттльмент или ко мне домой? – Виктор Анатольевич развернулся к пассажирам, небрежно-красиво положив локоть на спинку сиденья.

Борис Игоревич с интересом спросил:

– Разве ваш дом не в черте сеттльмента?

– Нет, – покачал головой Муромцев. Усмехнулся и важно добавил: – Так исторически сложилось. Я бы рекомендовал ко мне. Будет с вашей стороны просто оскорблением отвергнуть гостеприимство моей семьи; жена с утра делает манты.

«Что такое манты?» – подумал Денис, глядя, как за окном все быстрее разгоняются широкие, очень зеленые и, на его взгляд, слишком многолюдные улицы Верного.

Слово противное... Мальчишка представил себе здорового морского ската, запеченного в тесте. Бррр... Гадость. Кроме того, ему не очень хотелось жить в чужой семье, пусть даже с родителями рядом. Это значит – подчиняться чужим и непривычным правилам, ну его... Но мальчишка понимал – его спросят в последнюю очередь... и ошибся. Его **совсем** не спросили.

– Тогда мы принимаем ваше предложение, Виктор Анатольевич, – согласился Третьяков-старший.

Валерия Вадимовна добавила:

– Если это можно, давайте поедем через город, хочется посмотреть.

Муромцев передал Третьякову-старшему большую кипу ярких газет, извлеченную из перчаточника:

– Это сегодняшние утренние, изучайте... А через город – конечно, можно ехать через город... Маршрутом, каким обычно возим туристов... Коля! – обратился он к водителю.

– Сделаем, товарищ лейб-гвардии полковник, – сказал Коля, и Денис отвлекся от окна.

Лейб-гвардии полковник?! Между Муромцевым и отцом – аж три ступеньки?! Лейб-гвардии полковник – это же генерал по общему счету!

Муромцев засмеялся и извиняющимся тоном сказал:

– Коля так дает понять, что со мной надо обращаться уважительно...

Денис покосился на отца. Но тот как будто ничего не слышал – разложив газеты не только на своих коленях, но и частично на коленях жены и сына, просматривал их, держа в руке цанговый карандаш и что-то отчеркивая быстрыми движениями.

Денис понял – отец **уже работает**. Вот именно сейчас и именно так. И стал просто смотреть в окно, в то время как Муромцев действительно тоном экскурсовода (в котором была каа-апелька самоиронии) объяснял Валерии Вадимовне, что и как за окнами.

Денис всегда считал экскурсоводов самыми страшными врагами всего интересного. И не слушал, а смотрел.

У него оставалось странное впечатление. Машин почти нет; вдали мелькнула линия струнника, недостроенная. Много верховых и колясок, хорошо... но вот проехал красивый автомобиль, Денис даже не знал, какой, видно только, что с бензиновым двигателем (!), а на перекрестке промчались через улицу двое пацанов и одна девчонка, лет по десять-двенадцать – все босые. Причем видно, что не для удовольствия, а и одеты так, что прямо снять все и на переработку сразу, а самих – в душ. Среди яркой, умелой рекламы было много «черной» – то есть такой, цель которой не оповещать о новинках, а заставить людей покупать ненужные им вещи, Денис знал о таком. И дети в рекламе! Разные малыши в колясках, подростки с конфетами... Как это разрешают?! А вон даже реклама сигарет!!! Шваброй заколоться... И нищие, сколько **настоящих нищих!** Убиться о косяк, как же так можно?!

– Ничего город, красивый и зеленый, – сказала Валерия Вадимовна. – И зелень ярче, чем наша.

Денис сердито покосился на мать. Но не мог не признать про себя, что сказала она правду. Верный и правда тонул в густой, сочной зелени. Денис пытался себя убедить, что она слишком пестрая, но не получалось. Как и всякий нормальный мальчишка, он любил деревья и кусты. Он уже почти совсем собрался сказать – просто из вредности, – что в городе много лишнего, но... что это такое?! Да нет, правда!!!

Он закрутил головой, вызвав недовольный взгляд матери (она свела брови и шевельнула губами сердито: «Денисс!»). Но Денис не обратил внимания. Сквозь мягкое урчание мотора неслась явная мелодия – ее вели горны и поддерживали рассыпистым треском барабаны – «Бей, барабан, не умолкай... в ногу, дружище, бодрей шагай...».

Колонна пионеров – человек сорок, мальчишки, в подогнанной форме, не хуже, чем у самого Третьякова-младшего, с музыкантами впереди, знаменной группой и двумя вожатыми по флангу – прошла навстречу. Быстро. Нет, не прошла быстро, а мелькнула быстро – из-за того, что машина ехала. Денис вертанулся на сиденье – но знаменитая зелень уже скрыла все от жадного взгляда мальчишки. Денис вздохнул печально и, повернувшись, наткнулся на взгляд Муромцева.

– Ну, давай, спрашивай, – улыбнулся Виктор Анатольевич Денису.

Тот смутился:

– А как вы...

– Трудно не догадаться, – продолжал улыбаться Муромцев. – Ты хотел спросить про пионеров?

– Да... Этот отряд, который мы встретили. Он что, местный?

– Местный, – кивнул Виктор Анатольевич. – В Верном семь отрядов. И два в сеттльменте.

– Семь – это же капля в море, – пробормотал Денис. – Сколько у вас ребят и девчонок подходящего возраста?

– Детей много, – Муромцев погрустнел. – Но половина из них и в школу-то не ходит.

– Кстати, – вмешался вдруг Третьяков-старший, – а сколько всего в Верном населения?

– Почти восемьсот тысяч, – ответил Виктор Анатольевич.

Денис хлопнул глазами изумленно, Валерия Вадимовна сказала что-то не очень приличное, кажется, а Третьяков-старший пробормотал:

– Пятая часть населения республики. В два раза больше психомаксимума. Так, кажется? – он покосился на жену, та сердито кивнула. – И что люди делают?

– В основном, перебиваются случайными заработками. Очень высока преступность.

– Надо думать... – буркнул отец и снова вернулся к газетам.

«Жигули» вдруг свернули на какую-то совершенно негородскую улицу, даже травой подзаросшую. Посреди улицы мальчишки играли в лапту – человек двадцать, все тоже плоховато одетые, они раздались перед машиной, и Денис запомнил прочно взгляд крепкого паренька со спутанной гривой каштановых волос – ловко подбрасывая мячик концом биты, он неотрывно смотрел на машину со смесью зависти и неприязни. Потом кто-то резко свистнул – и сразу за проехавшими «Жигулями» игра возобновилась. Пожилые люди с лавочек тоже провожали машину взглядами, но скорей равнодушными. Маленькие домики тоже тонули в зелени, как будто маскируя за ней свою непритязательность. Если не сказать **нищету**...

– Это еще ничего, – сказал Муромцев, когда машина проехала по красивому мостику через узкую речку. – Это не трущобы. Тут живут люди, у которых есть работа. Худо-бедно, но постоянная...

– Дерьмо, – неожиданно высказалась Валерия Вадимовна.

Денис вытаращил глаза. Мать выглядела не просто сердитой – злой, даже ноздри у нее то и дело раздувались и твердели.

– Дерьмо, – подтвердил Муромцев. «Жигули», плавно кренясь, выехали на широкий проспект, разделенный полосой лип. Тут был довольно много машин. – А вот и еще одно дерьмо – здание Совета директоров знаменитой «Энергии», нашего главного оппонента. Кстати, примечательно, – Муромцев засмеялся, – оно построено на месте так называемого ханского дворца. Одно время часть Верного была столицей уйгурского каганата. Есть довольно примечательные фотографии этого величавого сарая... – На взгляд Дениса, десятиэтажная сверкающая башня, украшенная знаменитым символом атома, тоже походила на сарай, только для элитных свиней. **Такое** – в минуте езды от кочковатой улицы с плохо одетыми пацанами! – А теперь вот... – Виктор Анатольевич указал в окно, но там уже возникла, медленно наплывая, высокая бело-голубая церковь с вознесенным в высоту тонким золотым крестом.

– Простите, это церковь Тридцати Тысяч? – спросил Денис, глядя на здание – стройное, не столько широкое, сколько высокое, совсем не похожее на виденные им сохранившиеся древние храмы.

– Да, – немного удивленно сказал Виктор Анатольевич. – Ты читал о ней?

– Я только знаю, что это самая знаменитая церковь города, – немного смущенно отозвался мальчишка. – Я не успел больше...

– Самая знаменитая, да... – с непонятной интонацией ответил Муромцев. – В самом начале Серых Войн на ее месте уйгуры похоронили заживо более тридцати тысяч русских детей. Был огромный котлован, туда сбрасывали живых и засыпали глиной, потом – следующий ряд... И так всех. Потом разожгли на этом месте огромный костер.

В машине стало очень тихо. Денис чуть опустил голову. Потом поднял ее.

– Что, страшно? – тихо спросил Муромцев, глядя в окаменевшее лицо мальчишки – со сведенными бровями и выступившими желваками на скулах.

– Нет, – отрезал Денис. И, помедлив, признался: – Непонятно. Непонятно, зачем?

– И хорошо, что непонятно, – сказал Муромцев. – Слышал старую поговорку: «Понять – значит простить»? Тебе хочется это простить?

– И все-таки, – тихо и упрямо сказал Денис, провожая взглядом в заднее стекло тонкую башенку храма. – Я хочу понять, какова **цель**. Цель, понимаете? **Зачем?**

– М-м? – Брови Муромцева поднялись. – Вот какие вопросы возникают?

– Конечно, – кивнул Денис. – Ведь у всего на свете есть своя цель. Даже у жестокости.
– У жестокости человека – да, – Виктору Анатольевичу явно доставлял удовольствие разговор. – А у жестокости муравья? Человек не может и не должен стараться понять ядовитого гада. Человек должен сделать так, чтобы гад никогда больше не жалил... – Он оглянулся на оставшуюся сзади церковь и негромко прочитал:

Тонкий крест стоит под облаками.
Высоко стоит – над светом белым.
Словно сам Господь развел руками,
Говоря: «Ну что я мог поделаться?»⁷

– Это... ваши стихи? – спросил Денис.

Муромцев улыбнулся и покачал головой:

– Нет, что ты, Денис? Я даже не знаю – чьи. Просто прочел когда-то обрывки одной старой книги... и запомнил. Наверное, это было всегда. Вот такие несчастья...

– Ну и... – Денис хотел добавить слово, очень популярное среди мальчишек Петрограда, но смягчил реплику: – ...Плохо, что всегда было. Было, а быть не должно.

– Не должно, – подтвердил Виктор Анатольевич. И добавил: – Кстати, ты и сам-то будь осторожней, когда приедете на место. Буржуи буржуями, уйгуры уйгурами, но в наших местах немало сектантов. Хасиды, например.

Димке слово ничего не говорило. Но Валерия Вадимовна посмотрела на сына тревожно, а Третьяков-старший, оторвавшись от газет, перекосялся:

– Откуда эта плесень?!

– Шуку съели, зубы остались, – брезгливо ответил Муромцев. – Где-то кучкуются, как говорится. Не открыто, конечно, открыто никто не потерпел бы даже при здешнем бардаке. Но вот этой весной по республике от их рук погибло по меньшей мере восемнадцать детей. Мерзкое дело, даже здешние органы рыли землю всеми конечностями... Каких-то исполнителей нашли, но ничего не добились – фанатики, полоумные. Рады были «пострадать за веру».

– Кто это такие? – недоуменно спросил Денис.

Муромцев объяснил:

– Древняя секта. Весной, во время старинного праздника, приносят в жертву мальчишек. Пытают, потом обескровливают, кровь используют для приготовления ритуальных блюд.

– Правда, что ли? – Денис, если честно, не поверил.

– Иногда даже по несколько человек крадут, – угрюмо сказал Муромцев, явно начиная думать о своем.

– Мальчишек? – Денис улыбнулся.

Это в сказочке про вампиров было самым смешным. Он представил себе, что кто-то попытался украсть хотя бы двух ребят из их школы. Хотя бы первоклашек. Ну вот получилось так. Да они бы любого загрызли до смерти, а голову принесли на палке в родной класс и сделали бы из нее пособие в подарок для старшаков... Что-то путают взрослые. Как всегда. Он решил не продолжать эту тему, удивляясь, что отец-то с мамой на него тревожно поглядывают. Тем более что впереди вдруг появилось – именно «вдруг», выросло из-за высоченных тополей – приземистое, похожее на старинный форт, здание, над которым развевался большой государственный флаг. Это было первое, что заметил Денис. Второе – виселицы.

Мальчишка онемел и распахнул глаза. Нет, самые настоящие виселицы, только каменные. Восемь штук стояли на площади перед зданием. И пять не пустовали.

⁷ Стихи В.С. Крапивина.

Правда, как-то страшно это не выглядело. Трупы напоминали длинные темные мешки. И Денис сразу отвлекся, потому что «Жигули» резко остановились и Муромцев неприятным голосом сказал:

– Ну вот и еще одна... достопримечательность. Смотрите на бульвар.

Денис не верил своим глазам. Он не представлял себе, что такое можно увидеть наяву!

Со стороны бульвара – справа от дворца, за деревьями – надвигалась огромная толпа. Над нею мотались лозунги, какие-то портреты, флаги – государственные Семиречья (голубые с золотыми солнцем, лопатой и плугом), еще какие-то – белые с зеленой полосой поверху и с большим красным персиком в середине... Стало слышно, как люди слитно кричат: «От-став-ка! От-став-ка!»

От площади тоже шли люди. В центре – уступом – двигался клин пеших в черной форме и золотых глухих шлемах. Они шли медленно и тяжело, сдвинув, как древние воины в кино или учебнике истории, большие щиты с тем же гербом, что и на знаменах впереди. Сходство усиливали просунутые между щитами длинные палки, на концах которых то и дело вспыхивали сиреневые искры. На флангах пешего строя тоже неспешно двигались конные. Справа – казаки, все уже в возрасте, усатые, пригнувшиеся в седлах и покручивающие нагайки, с азартно-охотничьими лицами. Слева – в неправдоподобно ровном даже для пеших строю, на огромных лошадях – ехали кавалеристы в черно-алых мундирах и черных с золотым султаном каскетах, державшие на плече длинные палаши.

– Антипрезидентская демонстрация? – с интересом спросил Третьяков-старший, откладывая газеты. – Ого, все серьезно. Сто лет такого не видел.

– Она самая, – Муромцев подался вперед. – Организована, судя по всему, партией «Плоды Азии». Зачуханная партейка, хотел бы я знать, откуда у нее деньги на такое...

– А можно выйти посмотреть? – Денис приготовил фотоаппарат, у него даже пятки зазудели от азарта.

Взрослые – все четверо, включая водителя, – устали на мальчишку недоуменно.

– Ну, а чего?.. – сбавил тон Денис.

– Это не спектакль, – покачал головой Муромцев. – О, небо, началось.

Денис жадно уставился вперед. Конные лавы, гарцуя, потекли с боков пешего строя вперед. Кто-то истошно орал в мегофон:

– Уберите фрицев! Фрицев уберите, вы что, очумели?!

– Идиоты, и правда, что они делают... – пробормотал Муромцев, вытаскивая откуда-то трубку рации. – Муромцев!!! Да! Почему...

Дальше Денис не слушал. Он приоткрыл дверь и боком бесшумно выскользнул из машины, наводя фотоаппарат.

На площади творилось невообразимое. Чем-то это напоминало, как ни странно, «стенку» – кулачный бой на двадцатое июля, например. Денис уже несколько лет ходил на них. Может быть, поэтому у мальчишки преобладал интерес – ему все еще казалось, что люди просто разминаются.

Пешие щитами и разрядниками теснили толпу обратно. Конные обтекали ее – точнее, только казаки, черно-алый строй замер и остался на месте. До Дениса только сейчас дошло, какие гул и шум стоят над площадью. И что кругом еще довольно много людей – в основном жавшихся к кустам и стенам домов.

Он успел сделать несколько снимков, когда сообразил, что прямо к нему скачут рысью двое всадников в черно-алом. Мальчишка щелкнул и их – и отшатнулся, его чудом не задело колено кавалериста. Совсем рядом захрапел конь, Денис поднял руку, отстраняясь; колено снова его толкнуло. Молодое, загорелое, синеглазое лицо склонилось ближе. Окованный бронзовой чешуей подбородочный ремень проходил под нижней губой.

– Пайонир! – выкрикнул молодой всадник, удерживая руку своего напарника, который...

Денис изумленно приоткрыл рот; всадник собирался ударить его палашом плашмя!!! Но почти тут же прогремел голос Муромцева:

– Zu stehen! Es ist der Bub aus dem Imperium, es ist der Gast des Landes! Zu stehen, Soldat!⁸

А еще через секунду Денис оказался в руках матери – Валерия Вадимовна обняла сына и рывкнула:

– Убери металлом, козел!!!

Сам же Денис уже в следующую секунду был буквально заброшен на сиденье и сопровожден толчком отцовского колена под зад.

– Должен сказать, Денис, это было редкостно глупо, – заметил как ни в чем не бывало Муромцев, садясь впереди и закрывая дверь. – Это Черные Гусары, немецкие гвардейцы президента. Не знаю, какой кретин выпустил их для разгона демонстрации... Впрочем, я позвонил вовремя. А вот ты рисковал как минимум переломами. Если бы не галстук, мы могли бы и не успеть.

– На месте поговорим, – сказал Третьяков-старший, сбрасывая газеты на пол. – Мы можем ехать, Виктор Анатольевич, а то этот юный следопыт еще чего-нибудь натворит... Кстати, чем вызвано это буйное помешательство около президентского дворца?

– А все тем же, – охотно ответил Муромцев.

«Жигули» тронулись через площадь, и Денис мельком увидел за стеклами вестибюля дворца стоящих людей – они смотрели наружу напряженно, замерли неподвижно.

Ха, подумал мальчишка, а что ни говори, кадры-то получились наверняка! Жаль, он растерялся и не снял скачущих на него гусар!

– Все тем же, – повторил Муромцев. – Политикой Бахурева, в данном конкретном случае – тем, что три дня назад он национализировал «Фрукты-овощи», крупнейшую в республике компанию сельхозпродуктов, а генерального директора... – Муромцев выразительно провел рукой вокруг шеи. – Было за что, он содержал гарем на двадцать мест из несовершеннолетних девочек, отчислял в «фонд развития» по десять процентов заработной платы персонала и привлекал к уборке семи-восьмилетних детей, выплачивая им... не буду даже говорить. В общем, Функа повесили, компанию передали в госуправление – и тут же поползли слухи, что собираются сократить половину рабочих мест, как только закупят машины в Империи.

– Бред какой-то, – пробормотала Валерия Вадимовна.

Муромцев вздохнул:

– Это и есть самая сложная сторона нашей работы. Если у людей есть копейки, то они в горло вцепятся любому, кто попробует их отнять. И ни за что не поверят сразу, если сказать – я тебе копейки твои на рубли поменяю. Трудней всего не отмыть, одеть, обуть, накормить, это все можно прямо сейчас сделать, даже без нашей помощи, пожалуй, Бахурев справится. Трудней всего людям дать понять: ты – хозяин. Ты сам. Ты – человек, а не раб. Как же тяжело эта вера прорастает... а ее еще и топчут изо всех сил те, кому без рабов – крышка... Ты им все дашь – а они побегут себе властелина выискивать, который этим всем помог бы распорядиться. И найдут, будьте уверены, найду-у-ут... – Муромцев тяжело вздохнул. И горько добавил: – Такой красивый город, такая щедрая страна... И так несчастны люди. А главное – не верят они, что можно жить иначе. Почти никто не верит. Боятся верить... Просто боятся.

Денис слушал Муромцева внимательно, как будто впитывал слова. Новые ощущения переполняли его – и это после короткой, в общем-то, поездки! А что будет дальше?! Как тут жить? Что делать? Как быть? Справится ли отец? Впервые в жизни Денис усомнился в возможностях Третьякова-старшего. Чужая страна. Тут нет его помощников, тут нет телефона, который связывает с управлением ОБХСС по Петрограду... Есть непонятные люди с непонятными

⁸ Стоять! Это мальчик из Империи, это гость страны! Стоять, солдат! (немец.)

взглядами и непонятными желаниями. И даже те, кто вроде бы «хороший», кто защищает закон – даже они готовы без раздумий ударить человека только за то, что тот фотографировал...

Всю жизнь мальчишка твердо знал: за его спиной – Империя. От него нужно лишь быть честным и верным. Империя не бросит, Империя не покинет в беде даже самого маленького и слабого, даже самого старого и вроде бы бесполезного человека. **Так не бывает.** Но разве бывают девочки, попрошайничающие на вокзале? Виселицы на площади? Роскошный домина – и рядом хибары? Нет. В мире Дениса – нет. Но...

«Это и правда командировка в прошлое, – подумал Денис. – Не только для отца. Для нас всех. Вот оно, прошлое – за окнами, а скоро оно станет еще ближе и встанет **и перед тобой**, пионер. Глаза в глаза.

Зажмуриться и отступить?! Закричать, что ты ничего не можешь, и бежать?! Так оно этого и ждет, оно бросится следом, как зверь бросается на бегущего. Следом – это значит в Петроград...

Ну, нет...»

...Глядя в окно, Денис ощупал в сумочке пистолет. И стал тихонько насвистывать «Взвейтесь кострами»...

Глава 7

Родовое гнездо

Дом Муромцевых оказался большим двухэтажным зданием, построенным в виде креста посредине аккуратного маленького парка. Над всем нависали лесистые горы хребта Голодный, взбиравшиеся по склонам леса тонули в синеватой дымке испарений. У въезда рядом с черно-желто-белым имперским знаменем развевался узкий черный флаг с белым силуэтом корабля времен Третьей мировой – и, глядя на него, Денис неожиданно вспомнил наконец, **какой** это Муромцев – да тот самый, дед которого защищал Владивосток от банд и отстоял и его, и остатки флота!!! Вот это да! Денис, чуть выгнувшись, осторожно заглянул сбоку в лицо хозяина дома. Тот сразу повернулся и с улыбкой подмигнул мальчишке, страшно его смутив.

Прохаживались несколько человек в такой же, как у шофера Коли, форме охранного корпуса – и в черно-белой форме, явно дружинники самого Муромцева, все – с компактными автоматами «Гепард». Справа от дорожки лежал большой, в полпарка, пруд. Денис почему-то ожидал увидеть лебедей, но увидел только одинокого рыбака на причале. Рядом с рыбаком сидел огромный черно-белый (родовых цветов!) кот. При виде кота Денис неожиданно оробел. Кот выглядел тут хозяином.

«Жигули» подкатывали к главному входу в здание.

С высокого крыльца, по широкой лестнице, опережая высокого мужчину в черно-белом – явно слугу, – сбежал, торопясь, мальчишка, одетый в зеленый с желтым мундир Селенжинского Императорского Лицея. Он махал рукой и улыбался.

– Мой старший, – сказал Виктор Анатольевич. Машина затормозила точно у крыльца. – Приехал как раз... Даже переодеться не успел.

– Пап! – Мальчишка безо всякого стеснения повис у отца на шее, едва тот вылез из «Жигулей». – У-ухх, па-а-ап!!!

– Славян, погоди, – Виктор Анатольевич деликатно освободился. – Это наши гости. Третьяковы – Борис Игоревич. Валерия Вадимовна. И Денис, их сын.

Третьяковы тоже выбрались из машины. И Денис видел, что и мама с отцом чувствуют себя немного неловко. Он же сам с трудом заставлял себя не начать ковырять ботинком дорожку.

А мальчишка тем временем преобразился. Он стал прямым и чуть окостеневшим, слился с мундиром, отцовские глаза похолодели, смуглое лицо построжало.

– Очень рад, – послышался отчетливый шелчок каблуками форменных туфель, мальчишка кивнул, как хорошо отлаженный автомат. – Вячеслав Муромцев, – он нагнулся к руке Валерии Вадимовны. – Надеюсь, вы почтите своим присутствием ужин – все почти готово.

Денис заметил, что их чемоданы уже движутся в дом – не сами, конечно, в руках двух слуг.

– Благодарю, – Борис Игоревич ответил кивком. – Очень рад видеть такого воспитанного юношу.

– Славян, – сказал Муромцев, – проводи Дениса, покажи ему гостевую. Борис Игоревич, Валерия Вадимовна, ну а вы – со мной.

– Конечно, – Славка опять кивнул и повысил голос: – Максим Федорович, чемодан Дениса в гостевую!

– Хорошо, Вячеслав, – ответил один из слуг.

Славка посмотрел на Дениса. Взрослые уже поднимались по ступеням крыльца. Муромцев-младший показал рукой:

– Пошли?

– Пошли, – согласился Денис.

За всю свою жизнь мальчишку-дворянина он видел так близко в первый раз... если не считать спортивных соревнований с пацанами из Минского Императорского Лицея. Славка был выше Дениса, тоньше – и двигался со странной пластикой. На Дениса смотрел открыто и тоже с любопытством, обычным любопытством дружелюбного пацана, который просто не знает, как отреагирует новый знакомый, а сам готов дружить хоть сейчас... а если не хочешь – ладно, я не обижусь.

– А кот там, на пруду, ваш? – вдруг спросил Денис.

Славка кивнул:

– Это Найд.

– Собачье имя какое-то.

– Ну... так вышло. Просто он НАЙДенный. Я его пять лет назад из помойной ямы вытащил... – Славка поморщился, придержал дверь, давая Денису пройти в полукруглый прохладный зальчик, где журчал фонтан и откуда наверх уводили изгибами две лестницы, а вправо-влево – две двери. – Тут, на окраине. Я гулял, а тамошние пацаны котят топили. Одного я спас.

– Сильно досталось? – понимающе спросил Денис.

Славка вновь кивнул:

– Порядком... Ребра переломали и копчик отстучали здорово. Ну, и сотрясение было... Сперва просто отгаликивали, смехом. А потом я в драку полез. Их пятеро было, всем лет по десять, двенадцать. Ну, одному я нос сломал, еще одному руку, другому болталки отбил... Но все равно повалили и давай ногами месить, хорошо, что босиком были... Потом я вырубился, они испугались, наверное, убежали. Я в себя пришел, кое-как встал, глянул – а один котенок еще барахтается. Я его и принес... И получилось – Найд... Нам сюда.

Денис оказался – предупредительно пропущенный вперед – в совершенно безликой, удобной гостевой комнате. Небольшой, с красивой мебелью. Рядом с дверью был поставлен у стены его чемодан.

– Ой-е... – печально вздохнул Денис, глядя на закрытое чехлом кресло.

– Жуть, да? – понимающе спросил Славка.

– А если я чего поцарапаю? – уточнил Денис.

– Тебе отрубят пальцы, – совершенно серьезно ответил Славка. И, когда Денис уставился на него, предложил: – Пошли ко мне. Я в прошлом году стол сжег, когда опыт ставил по химии. Так что моя территория под моей властью, а мне твои пальцы не нужны. На раскладушке спишь?

– Сплю! – обрадованно ответил Денис, хватая чемодан. – Стоп. А что твой отец скажет?

– Чтобы спать ложились не позже полуночи, – ответил Славка.

В комнате Славки Денис перевел дух. Это была совершенно обычная комната мальчишки. Ну... нет. Намного более аккуратная, чем у всех Денисовых знакомых. Видно было, что ее обитателя с пяти лет муштруют хорошие специалисты. Но под потолком болтался самодельный мобиль, в шкафу торчала модель трансплутонника «Вектор», на стене висели портреты Кобрина, Арсеньева⁹ и Бауэрли¹⁰, а на кровати разинулся неразобранный чемодан. Над кроватью крест-накрест висели фехтовальный палаш и две «Сайги» – мелкокалиберная под 5,6г39 и под охотничий патрон 12-го калибра, с прикладом и ложем красного дерева. Над ними скалился лесной тигр – огромная башка с шерстью зеленоватого отлива, жемчужные клыки в пол-ладони...

– Ого! – Денис опустил чемодан. – Твое?!

⁹ Арсеньев Рош Арсеньевич – исследователь Марса, офицер гражданского геокорпуса. Именно им были составлены первые подробные карты Большого Сырта и найдена там же нефть. Пропал без вести за семнадцать лет до описываемых событий во время экспедиции на Южный полюс Марса.

¹⁰ Артур П. Бауэрли – исследователь Меркурия, основатель постоянного поселения Купол, блестящий физик и энергетик.

– Мое, – Славка аккуратно вешал форму на плечики. – Вот, – он показал левый бицепс: от плеча и до локтя кожу бороздил белый широкий шрам. – В прошлом году, на Голодном... Папка сказал – вон твой, иди и бери... Я бах, бах – обе ему в грудак. А он все-таки прыгнул и меня подмял. Пришлось ножом докалывать, ну и он меня рванул. Хорошо, что только так. Если бы он не издыхал, лежал бы я сейчас на кладбище...

Славка рассказал все это без намека на обычное мальчишеское хвастовство. Просто – **рассказал**, и все. И, между прочим, переоделся в такую же, как у Дениса, пионерскую форму (только вместо ботинок оказался в форменных кедах), ловко повязал галстук и отсалютовал:

– Будь готов!

– Всегда готов! – ответил Денис, отметив, что у Славки на рукаве значок командира звена, а не члена совета отряда, как у него самого. Это слегка примирило Дениса с головой тигра и двумя стволами.

– Три года стаж? – с легкой завистью уточнил Славка, тоже оглядывая форму Дениса.

– Три, – подтвердил Денис, снимая сумку и кладя на чемодан. – А у тебя?

– Два... – вздохнул Славка. – Принимать не хотели.

– За что? – нарушил Денис правила мальчишеской этики: не спрашивать, почему было плохо.

Славка снова вздохнул:

– Младшего избил... ну, не хочу вспоминать. Со зла избил. Самому потом стыдно стало... Вообще из лица выгнать хотели, но я сам все рассказал и на порку с карцером напросился. Оставили, но с пионерами год мурыжили. Я из кожи вон лез... Пошли за раскладушкой тебе, а то уже через пять минут ужин...

...За большим столом – почти черным, из мореного дуба – собралось человек тридцать. Денис до такой степени перепугался чопорной обстановки, серебряных приборов, слуг и общей атмосферы, что начисто расхотел есть и тут же забыл не только всех, кого гостям представили, но и все правила приличия. Но, поглядев на то, как непринужденно ведут себя отец с мамой, оттаял. Тем более что блюда были самые обычные и немногочисленные – вкусный салат с колбасой, яичница с ветчиной, свежий хлеб (вот только серый, не черный, к которому привык и который любил Денис), апельсиновый сок, чай, горячие белые булочки с маслом и какое-то вино. Денис удивился, что и Славка, и еще несколько детей и подростков – Славкины младшие брат с сестрой, двоюродные сестры и братья – находившихся в нижнем конце стола, преспокойно подставляли фужеры под разливаемое слугами вино и привычно пили его. Сам Денис, покосившись на родителей, не осмелился последовать этому примеру, хотя и очень было любопытно.

Во главе стола сидела пара, которую дед Дениса назвал бы «калорийной» – так он принципиально извращал слово «колоритная». Совершенно белый, серебряно-седой, худой старик в сером с искрой костюме-тройке возвышался рядом с потрясающе красивой старой женщиной (слово «старуха» по отношению к ней казалось оскорбительным) в простом платье, но с тяжелым, нарочито грубым колье из изумрудов, бриллиантов и серебра на высокой шее. У старика была только одна рука – правый рукав был приколот к груди пиджака крестом ордена Олега Русского.

– Это дед, – тихо сказал Славка, ловко прикрыв рукой рот и подавшись к Денису. – Он потерял руку сорок лет назад, в бою с уйгурской ордой. Тогда дед был военным комендантом Верного...

Денис только кивнул.

Из-за стола вставали кто когда хотел, громко благодарили и кланялись в пояс сперва «старшим», а потом стоящему в дверях усатому человеку в белом – повару, как понял потом Денис. Когда он сам выбрался из-за стола, уже за дверью его поймал отец. Мальчишка приуныл, думая, что сейчас будет проведено краткое и болезненное разбирательство по поводу его

поведения у дворца президента, но вместо этого отец отсчитал из бумажника солидную стопу ассигнаций и сказал как ни в чем не бывало:

– Это тебе до конца года. До ночи с тридцать первого на первое. На что потратишь – твое дело, но больше карманных денег не получишь. Так. Дальше. Тут мы пробудем дней пять. Можешь делать, что хочешь, и влипай, куда желаешь, но – от Славы ни на шаг. Считай, что я тебя ему отдал в пажи. За все твои художества будет отвечать в первую очередь он. Понял?

– Понял, – немного ошарашенно ответил Денис. И проводил взглядом отца и маму, которых у крыльца ждала какая-то машина...

– Уехали? – спросил подошедший Славка.

Денис кивнул и смущенно сказал:

– И это... меня тебе навязали.

– Папка сказал, – произнес Славка спокойно. – Глупости – навязали. Ты пионер, я пионер. В чем дело-то?

– Покажешь мне город? – спросил Денис по-прежнему смущенно. – Я мало посмотреть успел, из окна-то...

Славка пожал плечами:

– Да пожалуйста, только тут ничего интересного, по-моему. Слушай, – он внезапно загорелся, – поехали на Медео! Вот там есть что посмотреть! Ты на коньках катаешься?

– Конечно! – воспрянул и Денис.

– Ну вот завтра и поедем, сегодня уже поздно, – заключил Славка.

Денис уточнил:

– А на чем поедем-то?

– А завтра увидишь.

* * *

Стемнело мгновенно. Солнце на минуту выглянуло из ватных туч и бухнулось за хребет Голодный. На аллее зажглись фонари; где-то в глубинах дома играла музыка и одновременно – на пределе слуха – приятно урчал вихревой генератор.

Славка – по крайней мере этим вечером – оказался плохим собеседником. Наверное, очень устал за день, великодушно подумал Денис, услышав, как после пары реплик с кровати донеслось ровное сопение, довольно громкое.

У Дениса тоже день выдался насыщенным, грех жаловаться. Может быть, именно поэтому никак и не засыпалось. Мальчишка рассматривал клыки тигра, серебристо светящиеся в темноте, и думал обо всем, что сегодня видел. Потом тигр плавно зевнул и подставил Денису спину, на которую тот сел... и поскакал над хребтом Голодный – все выше и выше, держа упертым в бедро серебряный горн – играть сигнал побудки там, где за тучами всходит солнце...

Глава 8

Пасторальные нравы-1

Мальчишки проснулись одновременно. Именно – совершенно одновременно и даже одинаково. Денис за собой знал такое: как только проснулся – сядишься в постели. И совершенно не ожидал (просто не понял спросонья, где он находится, почему не в поезде), что на него уставится точно так же севший в кровати у другой стены мальчишка, чем-то похожий на Войко.

– Вой-ко-о? – пробормотал Денис, усиленно и совсем по-малышовому протирая кулаками глаза.

Славка пришел в себя раньше.

– Доброе утро! – Он сел уже не в, а на кровати, потянулся изо всех сил и широко зевнул. – Уф. Дома. Мне снилось, что опять экзамены. Мне всегда всю первую неделю дома экзамены, экзамены, экзамены снятся... – Он передернулся и вывесил язык: – Фэ! Пошли умываться. Есть хочешь?

– Угу, – кивнул Денис. – А куда?

– Тут рядом по коридору моя умывалка. Личная... оюшки, сколько времени! И как это отец... а! – Славка весело уставился на Дениса. – Это из-за тебя. Решил, наверное, что ты должен выспаться, ну и меня будить не стал.

– Мы завтрак проспали? – уныло спросил Денис, обратив внимание, что на часах уже начало десятого.

– Да ерунда! – Славка легко кувыркнулся, сделал стойку на руках и пошел к двери. – На кухне дадут всегда. Ну, ты идешь?

– Погоди... – Денис совершил такой же кувырок.

– Ничего, – одобрил Славка, оставаясь на одной руке и другой открывая дверь.

Мальчишки на руках вышли в коридор. Проходивший мимо молодой мужчина в офицерской форме поприветствовал их совершенно обычно: «Доброе утро!»

– Гимнастикой занимаешься?

– Не специально, просто гоняют... – Денис, если честно, уже ощущал, что руки подрагивают, но не подавал виду.

Славка толчком пятки открыл дверь умывалки:

– Рукопашкой занимался?

– А как же, обычный комплекс, – Денис с облегчением принял нормальную позицию.

Славка встал рядом и предложил:

– СБС, самбо-бокс-сават? Поспаррингуемся? До первой крови?

– Согласен, – кивнул Денис.

– Туалет вон там, – показал Славка на дверь. – Давай, ты первый, потом я.

Когда они уже умывались и чистили зубы, в дверь просунулась голова девчонки лет восьми-девяти, Денис ее вчера видел за столом, но, конечно, не запомнил.

– Слава... – робко начала она.

– Брысь! – цыкнул Славка. – Пошшла, кыш!

Девчонка исчезла.

– Во как надо, – Славка сжал кулак и набрал полный рот пасты.

– Мы же на Медео собирались, – напомнил Денис, беря полотенце, на которое указал булькающий пастой Славка.

Тот пожал плечами, выплюнул в раковину шипящую струю и кивнул:

– И поедем, чего нам? Позавтракаем, я тебя пару раз кину и поедем.

...На кухне никого не было, и мальчишки деловито утащили в Славкину комнату полбулки белого хлеба, брусок желтоватого масла, не успевший остыть чайник, две кружки и пакетик чая. Усевшись к столу, заварили чай, по очереди макая пакетик то в одну кружку, то в другую, потом каждый намазал себе по большущему бутерброду – и начался завтрак.

Денис продолжал вертеть головой, рассматривая то, что не успел разглядеть вчера. На глаза ему попался старый проигрыватель лазерных дисков, стоявший на выдвижной полочке.

– О, у меня дома такая же штука осталась! – обрадовался Денис и провел пальцем по надписи на круглой крышке, под которую вставлялись диски. – Я ее в брошенном магазине нашел. Только включаю редко – свет...

– Я тоже. – Славка оседлал стул, выдвинул из-под стола длинный ящичек с радужными кругляшами в пакетах. – Вот, мне это очень нравится.

Он ловко достал из одного пакета диск, положил в «вертушку». И Денис дернулся, изумленно приоткрыв рот, когда услышал:

Никаких на небе звезд нет...

Но ничего не сказал, дослушал песню молча. Славка тоже молчал – сидел, широко расставив ноги, руки – одна на другой на спинке стула, подбородок – на руках. И только когда песня закончилась, а Славка словно бы нехотя ткнул пальцем кнопку паузы, Денис нерешительно сказал:

– Но это... это же из кино?

– А, ты тоже смотрел? – Славка поглядел в окно. – Да, из кино... Но это не для кино написано, это песня тех времен. Певца звали Виктор Третьяков. Вот еще, послушай... – И спохватился: – Хочешь?

– Конечно! – тихо завопил Денис.

Славка улыбнулся и снова ткнул кнопку.

Что кричишь, юродивый?
Помолчи, братушка...
Нету больше родины —
Померла, матушка!
Храбростью прославившись,
Верю и родом...
Да, померла, не справившись
С собственным народом.

Где теперь виновные?
Да мы же все смертные:
Господа верховные
И разные бедные...
Эх, победили вроде бы
И царя, и Бога...
Оглянись, юродивый!
Эх, дальняя дорога!..

Мимо красных, как кровь, знамен.
Мимо стройных рядов, колонн.
Мимо лжеоснов, снов и звонких слов,
Мимо фальши,

Мимо сборников всей речей,
Мимо тридцать седьмых ночей,
Кровь рекой течет, плоть мою несет
Дальше, дальше.
Мимо зон и тройных постов,
Мимо храмов, что без крестов,
Вдоль дворцов царей и секретарей,
Мимо воли,
Мимо дач аппаратных шлюх,
Мимо нищих, больных старух,
Мимо цинковых гробов и детей-рабов
В поле...

Отчаянная была песня и страшная. Денис примолк, даже не двигался. И только краем сознания отмечал, что и Славка как-то нахохлился на стуле и спрятал глаза. А певец кричал...

Ах, Русь! Неужто это ты?
А где же твой победный клич?
И лишь на фоне нищеты
Рыдает бронзовый Ильич.
А сколько, блеклых от дождей,
Повсюду гипсовых вождей...
И значит – в омутах речей
Рыдают тыщи ильичей!

Но только
Дальше река течет.
Кто не с нами был —
Тот не в счет.
Ведь были разными —
Но в речке красными стали флаги!
И плыву я, такой, как есть,
Мимо лозунгов «Ум и честь!»,
Мимо счастья всех людей
И других идей
На бумаге...

И так, проплыв по крови до моря,
Я узнал совершенно точно,
Что это Сталин принес нам горе,
А теория – непорочна!
Я снова слышу: «Ум и честь!»!
Не зря же создан генофонд!
Ты дай убогому поесть —
И он опять пойдет на фронт!

Но я кричу не для того,
Чтоб встать на модный пьедестал.
Я сам от этого всего

Смертельно, в общем-то, устал.
Устал смеяться и рыдать
(А на семь бед – один ответ!)...
...Мне просто больно наблюдать,
Как нас дурачат столько лет.

Песня В. Третьякова

Славка протянул руку и выключил проигрыватель. И сказал, не поднимая глаз:

– Когда я в первый раз ее слышал, я подумал: сколько же хороших людей **тогда** погибло. Нет, я знаю, я тогда уже знал, что... что, в общем, по-другому было нельзя. Но это я умом понимаю, а так... Миллионы хороших людей погибли. По-настоящему хороших...

– В Парголово... – Денис помедлил и пояснил: – Это такое место недалеко от Петрограда... сейчас там лунадром недалеко... Вот. В Парголово наши старшекласники – я тогда был во втором классе – нашли подвал. Такой большой, там цех какой-то был. И больше семисот детских скелетов. В общем, ребята наши доискались. Там детский дом погиб. Когда зима началась. Они из города выбирались, а власти уже никакой не было, и вообще никому ни до чего... Они там просто замерзли, наверное. Устали идти, оголодали и замерзли... Я только фотографии видел, но мне потом долго-долго сон снился. Что я там... – Денис помолчал. Славка молчал тоже, и Денис продолжал тихо: – И даже не страшно, а просто уныло так. Снег падает, падает снаружи, а мы лежим и смотрим. И ждем, чтобы все кончилось. Не снег перестал, а чтобы... чтобы умереть поскорее. А впереди – ничего-ничего-ничего... Никаких звезд.

– Это не просто сон, – сказал Славка. – Это генетическая память.

– Может быть... Я не об этом. Страшно, что впереди ничего нет, понимаешь? Не что смерть, а что вообще все кончается. А ведь тогда только так и казалось... Большинству, наверное. И ты даже не понимаешь, за что тебя убивают. А эти ребята... они же, наверное, не понимали... И другие...

– И какое мужество нужно было иметь, чтобы не поверить в смерть и начать бороться... – кивнул Славка. – Но ведь не у всех этого мужества хватало. Да, я и про это думал. Я даже иногда не понимал, как мы вообще выкарабкались. Ведь не должны были. Точку невозврата прошли. Это...

– Я знаю, мы учили. Только людей наукой не померяешь.

– Да, это верно... Один детей подбирал и делал из них боевой отряд, чтобы у них и у России было будущее. А другой тоже подбирал – и на бойню. А потом мясо засаливал, чтобы холода пересидеть.

– Бррр... – Денис без наигрыша передернулся. – Не надо, а? Про это я даже думать не могу.

– Было и такое, сплошь и рядом...

– Да знаю, что было. Просто не хочу.

– «Витязи» таким сразу живот распарывали и внутренности солью засыпали...

– Слав, ну не надо!

– Ладно, – Славка кивнул. – Пошли на кухню все это отнесем, и я тебе покажу моего конька-горбунка.

* * *

Честно говоря, Денис и правда ожидал почему-то увидеть коней. Но на улице Славка тут же свернул в дверцу гаража – сбоку от крыльца – и мальчишки оказались возле мотоцикла.

Денис изумился. Мотоцикл был огромен, черен и сверкал хромом, тугой кожей и зеркальцами. Перед украшал металлический флажок с гербом Муромцевых. Сзади крепился тоже металлический имперский флаг.

– Это что? – Денис удивленно обошел вокруг рогатого чудовища.

Славка гордо хлопнул по обтянутому кожей сиденью:

– Мой «Харлей». Раритет, даже бензиновый. На все Семиречье таких два – у меня и у... у еще одного человека.

– Твой друг? – уточнил Денис, с уважением трогая бензобак с надписью «УМРИ ПОД МОИМ КОЛЕСОМ!!!».

Славка дернул бровями:

– Он ничей друг. Просто интересный парень. Ну что, вот на этом и поедем, ты не против?

– Да конечно нет! – Денис в жизни не ездил на бензиновых аппаратах. – Поехали сейчас?

– Сейчас и... нет, сейчас мы точно не поедем. – Славка быстро шагнул к выходу. – Ой... смотри, это же...

Денис встал рядом с Муромцевым-младшим:

– Что там... – и тоже не договорил.

По аллее ехали четыре машины – приземистый броневик и трое «Жигулей» с флажками республики. Машины заворачивали одна за другой на кольцевую дорожку и останавливались; из них выбирались люди в форме.

– Это кто? – Денис забеспокоился.

Славка одернул шорты:

– Это президент, Денис. Идем встречать. Опять он не предупредил...

– П-кхр-езидент?! – подавился воздухом Денис.

И тоже одернул шорты, прежде чем сделать первый шаг...

Скорее всего, президент Семиречья и в лучшие годы красотой не отличался. Чудовищно широкоплечий, кривоногий, грудь бочкой, с длиннющими узловатыми руками и ладонями шириной с две Денисовых, он еще и заработал когда-то шрам через все лицо – чудом уцелевший глаз уехал выше другого, синего и веселого, надо лбом огромное красное пятно обозначало место, где снесло скальп, часть подбородка была стесана... Денис даже не смог заставить себя отвести взгляд, так и смотрел, пока Бахурев, отмахиваясь от свиты, как от мух, тяжелой быстрой походкой взлетал на крыльцо. Костюм сидел на президенте и бывшем казачьем полковнике нелепей нелепого, видно, подогнать его было просто невозможно.

Президент остановился перед мальчишками, которые отдали синхронный салют.

– Третьякова сынок? – Денис кивнул, сиюсь отвести взгляд. – Ну, чего смотришь? Красивый я? – Бахурев вдруг подмигнул Денису одним глазом, другим, и мальчишка растерянно сказал:

– Я... н-не смотрю... Здравствуйте... товарищ президент.

– Смотришь, смотришь! – Бахурев захохотал, широко открывая зубастый рот – зубы у него были белые и острые, даже жутковато. – Все смотрят! Ну а мне да и лучше – не забудут, какой на лицо президент-то, а то знаешь как бывает – ты свинья, я свинья, у ты рожа не твоя... Это меня, – он провел по лицу, – один уйгурский кутак, батыр недоделанный, на герце аж двадцать лет назад так – мне тогда лет было сколько вот... да не, на пару годков твоего постарше, точно, сразу после первой моей бабы, чуть не на другой день... А герць – это поединок, грамотно говоря... Уж тот кутак нас и так! И сяк! И наперекосяк! Орыс, орыс, бла-бла-бла... А здоровый, морда – как жопа у слона... Ну, я и подался вперед, кричу – а вот я сейчас тебя натяну по помидорки, иду, штаны сымай, готовься... – станишники и остановить не успели... Съехались, кэ-э-эк он меня... Ах ты ж, думаю, пропала моя юная красота! Ну, падать-то с коня я не стал, да й-иххх... как пизданул батыра напересек шеи... – Бахурев кашлянул. – Рано тебе такое слушать. Слова такие, в смысле. А уйгура я свалил, башка все каталась, глазами луп-луп,

где ж остальное на х... куда делось, я хотел сказать! – повысил он голос, оглядываясь на свиту. Обнял Дениса за плечи своей лапищей и прошептал, буквально таща сбоку от себя вверх по ступенькам крыльца: – Батя твой где? Давай, веди! Веди, веди, чего ждешь... Муромцев, а ты где прячешься?! – заорал он так, что зазвенела люстра. – Славян, твой-то где?!

Денис знал уже, что Бахурев матерщинник, «кулачник», «разносчик», буйный самодур, но кристально честный, очень храбрый и на самом деле почти болезненно добрый человек, которого и в президенты-то привела жалость к русскому народу и желание ему помочь. А еще он не знал, дома ли отец.

Но выяснилось, что отцы обоих мальчишек дома и уже выходят из дверей вместе с мамой Дениса. Мальчишки подались в стороны. Бахурев расцеловался с Муромцевым-старшим, с изяществом кабана поцеловал руку Валерии Вадимовне и уставился в глаза Третьякову-старшему.

– Знаешь, как вашу контору расшифровывают у нас? – в лоб спросил он, называя штабс-капитана с ходу на «ты». – ОБХСС – Один Будешь Хапать Скоро Сядешь! – и Бахурев сам захохотал своей шутке. Потом поставил локоть на широкие перила. Наклонился к Борису Игоревичу и шепнул заговорщически: – А я ведь вешаю. Прямо перед дворцом. Не боишься?

– И много наших вы повесили? – уточнил Третьяков-старший.

– Ни одного! – Бахурев хлопнул себя по колену и сокрушенно покачал головой. – Не воруют! И другим не дают – ну не сволочи?! Что ты будешь делать, не за что вешать! Не просто ж за шею или там х... прочие места, извиняй, хозяйка... – Валерия Вадимовна, подрагивая губами в сдерживаемой улыбке, кивнула благосклонно. – Нечем прямо душу мою злодейскую потешить! Читал небось, как я кровь пью и сырым костным мозгом сырьем заедаю? Не читал?! Ну, это мне даже и обидно... А про мой гарем на Медео читал?! – с надеждой продолжал президент. – Ну?! Тоже нет?! Я тебе газету пришлю, от сердца оторву, один номер у меня – раритет! Но самая страсть знаешь что?! – Бахурев понизил голос: – Лизка, дура моя старая, поверила. Седина в бороду, говорит... Я говорю – окстись, дура, я ж без бороды! А она меня... в общем, был скандал в семье. Про него тоже писали, но этот номер мне не достался, расхватили... Ну, пошли, пошли, поговорим про виселицы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.